16+
ISSN 2310-5453I
ISSN Online 2587-5639
№ 1 (21)
2020

АРКТИКА XXI век. Гуманитарные науки

Информационно-научное издание

Учредитель
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Главный редактор
М.Ю. Присяжный

Редактор выпуска
А.А. Винокурова

Редакционная коллегия:
Варвара Белолюбская (СВФУ, Россия)
Антонина Винокурова (СВФУ, Россия)
Людмила Заморщикова (СВФУ, Россия)
Ольга Мельничук (СВФУ, Россия)
Виктория Михайлова (СВФУ, Россия)
Александр Петров (РГПУ им. Герцена, Россия)
Грэг Поэлзер (Университет Саскачевана, Канада)
Гейл Фондал (Университет Северной Британской Колумбии, Канада)
Дженнан Фергюссон (Университет Аризоны, США)
Гунхильд Гйорв Хугенсен (Арктический университет Тромсё, Норвегия)

Ответственный секретарь
В.Ю. Кузин

Технические секретари:
А.Ф. Евмененко, Н.С. Матвеева

Адрес редакции:
677000, г. Якутск, ул. Курашова, д. 30/4, каб.7.
sakhaarctic@gmail.com www.arcticjournal.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.

© Северо-Восточный федеральный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бурыкин А.А.
Загадки экспедиции Г.Л. Брусилова на шхуне «Святая Анна»:
новые решения проблемы? 3

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

Исакова С.А.
Природа в литературе народов Севера
(на примере рассказа Е. Айпина «Медвежье горе) 30

Кузьмина Р.П.
Особенности эвенско-якутской интерференции в речи билингвов 38

T. R. de S. Romero.
The importance of international communication on global issues 44

ИСТОРИЯ

УДК 910.4

А.А. Бурыкин [1]

ЗАГАДКИ ЭКСПЕДИЦИИ Г.Л. БРУСИЛОВА НА ШХУНЕ «СВЯТАЯ АННА»: НОВЫЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ?

PROBLEMS OF G.L. BRUSILOV'S EXPEDITION ON THE SCHOONER "SAINT ANNA": NEW SOLUTIONS TO PROBLEMS?

Статья посвящена судьбе русской полярной экспедиции Г.Л.Брусилова на шхуне «Св.Анна» 1912-1914 гг, которая считается без вести пропавшей севернее Земли Франца-Иосифа. Автор обобщает документы и литературу, посвященную экспедиции Г.Л.Брусилова и анализирует сведения, согласно которым участники экспедиции, оставшиеся после ухода партии В.И.Альбанова на судне, могли остаться в живых и дошли до одного из европейских портов. К ним относятся появление Ерминии Брусиловой в Риге в 1920-е 1930-е годы, штурвал с иконой Св. Анны Кашинской и надписью "...andora", снятый со старого парусника в Северном море в 1945-46 гг. и хранившийся в портовом кабачке в Штральзунде, письмо из Франции с поисками родственников матросов со «Св. Анны» в Мурманской области в 1970-е годы. Автор полагает, что знакомство с материалами дрейфа «Св. Анны» определило планы французских полярных исследований Ж.Ф.Шарко в 1920-е годы. Высказывается предположение, что личная почта участников экспедиции была оставлена Г.Л.Брусиловым на судне во время внесения им дополнений в судовой журнал. Судьба В.И.Альбанова, в которой остается много неясностей, возможно, определяется известиями о спасении Г.Л.Брусилова и его матросов, что обязывало В.И.Альбанова возвращать Г.Л.Брусилову стоимость взятого им с судна имущества.

Ключевые слова*: русские полярные экспедна «Св.Анна», В.И.Альбанов, земля Франца-Иосифа, Ерминия Брусилова, судовой журнал, штурвал, Анна Кашинарко.*

[1] Бурыкин Алексей Алексеевич – д.филол.н., д.и.н., главный научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, г.Санкт-Петербург.

E-mail: albury@rambler.ru

Burykin Aleksey - Doctor of Philology, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Linguistic Research of the RAS, Saint-Petersburg.

Paper is devoted to the fate of Russian polar expedition of G. L. Brusilov on the schooner «SV.Anna» in 1912-1914, who is considered missing North of Franz Josef Land. The author summarizes the documents and literature on the expedition of G. L. Brusilov and analyzes the information according to which the expedition members who remained after the departure of the party of V. I. Albpean ports. These data include the appearance of Erminia Brusilova in Riga in the 1920s and 1930s, and the steering wheel with the icon of St. Anna Kashinskaya and the inscription «…andora», taken from an old sailboat in the North sea in 1945-46 and stored in a port tavern in Stralsund, a letter from France searching for relatives of the sailors from the «St. Anna» in the Murmansk region in the 1970s. The author believes that familiarity with the materials of the drift of « St. Anna» defined the plans of French polar explorations undertaken by J. F. Charcot in the 1920s. It is suggested that the personal mail of the expedition participants was left by G. L. Brusilov on the ship when he made additions to the ship's log. The fate of V. I. Albanov, in which many ambiguities remain, may be determined by the news of the rescue of G. L. Brusilov and his sailors, which obliged V. I. Albanov to return to G. L. Brusilov the value of the property he took from the ship.

Keywords: *G.L. Brusilov, the schooner "St.Anna", V. I. Albanov, Franz Josef land, Erminia Brusilova, ship's log, steering wheel, Amna Kashiskaya, Stralsund, J. F. Charcot.*

Минуло более 100 лет с тех дней 1912 года, когда в арктические моря отправились три русские экспедиции под руководством Г.Я.Седова, В.А.Русанова и Г.Л.Брусилова. Все они исчезли в арктичеком белом безмолвии [13].

Наибольшее количество сведений в литературе о полярных исследованиях посвящено экспедиции Г.Я. Седова [11-12, 14-16, 19, 25, 28, 36-37] – отчасти это связано с его демократическим происхождением, отчасти потому, что место гибели Г.Я. Седова нам известно по крайней мере с точностью до острова – мыс, около которого отважный полярный мореплаватель нашел свой вечный приют, остается спорной проблемой – Аук или Бророк. Судьба экспедиции В.А. Русанова привлекала внимание ученых прежде всего разносторонностью личности ее руководителя и масштабами исследованных им территорий, история его последней экспедиции освещалась в связи с находками предметов, принадлежавшими участникам этого плавания, сделанных на островах и на суще [25, 28, 37]. Имеются публикации, с большой вероятностью указывающие на возможное место захоронения Русанова и Жюльетты Жан, а также, вероятно, еще кого-то из участников погибшей экспедиции [28]. Что касается экспедиции Г.Л. Брусилова на шхуне «Св.Анна», ей повезло менее всего[1]. Кроме изданного дневника штурмана экспедиции В.А. Альбанова [5], многократно переиздававшегося, и дневника матроса А.Конрада [10], единственных, кто, покинув шхуну, смог добраться до земли Франца-Иосифа и вернуться в Архангельск, мы до сих пор имеем только статьи в популярных журналах и главы в некоторых монографиях.

[1] В кратких биографиях Г.Л. Брусилова и в известных мемуарах отмечается его участие в экспедиции на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач», но не указывается, на каком именно корабле служил Г.Л. Брусилов: только по фото группы офицеров «Вайгача» [34, С. 437] становится понятным, что Г.Л. Брусилов служил на «Вайгаче», командиром которого был А.В. Колчак, присутствующий на этой же фотографии.

Вот некоторые сведения о шхуне «Св. Анна». Судно это построено в 1867 году и называлось первоначально «Newport», затем «Blancathra» и, наконец, «Pandora II» и «Св. Анна» [5, С. 4],[1] в дневнике В.И.Альбанова приведен список команды [5, С. 5], список провизии [5, С. 5-6] Судно вышло из Екатерининской гавани 28 августа 1912 г. [5, С. 7].

Главными источниками по экспедиции Г.Л. Брусилова на «Св.Анне» для нас остаются дневник штурмана В.И. Альбанова, выходивший под парадоксальным названием «На юг, к земле Франца-Иосифа», выдержавший большое количество изданий (особенно с 1980-х годов до наших дней): иногда названия и состав выпущенных книг менялись) и частичная копия судового журнала «Св.Анны», доведенная до ухода отряда В.И. Альбанова, изданная Л.Л. Брейтфусом и увидевшая свет еще в 1914 году [7]. В этом издании есть и полный список команды «Св.Анны» с указанием точных дат гибели участников группы Альбанова за исключением береговой партии [7, С. 6-7], выписка из судового журнала «Св.Анны» [10, С. 12-53].

К истории текста судового журнала «Св. Анны» интересны следующие пометы: «16 (29) марта. В вахтенном журнале запись: «Командир продолжает болеть, хотя ему значительно лучше» [7, С. 27]. Значит, этот журнал периодически велся кем-то другим или в его копию были внесены добавления.

Очень важна следующая запись: «22 января (4 февраля). Горизонт закрыт мглой. Команда просила меня прийти к ним, и когда я пришел, то просили разрешения строить тоже каяки, по примеру штурмана, боясь остаться на третью зиму, на которую у нас не хватит провизии. Сначала я пробовал их разубедить, говоря, что летом, если не будет надежды освободиться, мы можем покинуть судно на ботах, указывая на пример «Жаннеты», где им пришлось пройти гораздо большее расстояние на вельботах, чем это придется вам, и то они достигли земли благополучно. Видя, что они не убеждены этими доводами, и что перспектива весной покинуть судно и летом достигнуть культурных стран, избавившись от всем наскучившего здесь сидения, для них столь заманчива, что отказаться от нее они не в силах, я объявил, что они могут готовиться и отправляться хоть все. Сейчас же нашлось несколько человек, которые пожелали остаться (впоследствии их оказалось слишком много и я был поставлен в затруднительное положение, не желая никого насиловать покииуть судно). На судне остаются, кроме меня и Е. А. Жданко, оба гарпунера, боцман, старший машинист, стюарт, повар, 2 молодых матроса (один из которых ученик мореходиых классов). Это то количество, которое необходимо для управления судном и которое я смогу прокормить оставшейся провизией еще на 1 год. Уходящие люди не представляются необходимыми на судие, так что теперь я очень рад, что обстоятельства так сложились. Я далек утверждать, что уход части команды с судна придуман

[1] Ошибочно сообщение о том, что шхуна «Св. Анна» куплена в Норвегии (Белкин С. Полярный детектив. Журнал «Чайка» https://www.chayka.org/node/9838 23 мая 2019 г.)

и организован мною. Я еще раз говорю, что покинул бы судно поздно летом на шлюпках, когда убедился бы, что выбиться изо льда мы не можем. Теперь же, благодаря предполагаемому раннему оставлению судна большей частью команды, оставшаяся часть команды в крайнем случае может продержаться еще год с имеемой провизией» [7, С. 46-47]. Эта запись сделана, безусловно, самим Г.Л. Брусиловым.

Еще несколько существенных записей в судовом журнале «Св. Анны»: «26 января (8 февраля). Ходили на охоту и видели на S от судна много полыней, ширина некоторых из них более 100 саж. Направление полыней от Ost на W. 27 января (9 февраля). Полыньи на S видны и сегодня. Ходившие на охоту на N полыней не видели» [7, С. 47].

«18 февраля (3 марта). Видио несколько больших полыней. Одна на расстоянии 200 – 300 саж., ширина ее до 1/2 мили» [7, С. 48]. Здесь стоит отметить, что опыт ледовых плаваний имел скорее Г.Л. Брусилов, побывавший на ледокольном пароходе «Вайгач» около Чукотки в 1911 году, нежели В.И.Альбанов.

«4 (17) апреля… Составлен и подписан всеми уходящими 14 человеками расчет их на 3 июля 1914 года. Снята и засвидетельствована мною, штурманом Альбановым и матросом Шпаковским копия с судовой роли, полученной мною в г. Александровске 28 августа 1912 года.

5 (18) апреля. Мною составлен акт, согласно заявлению уходящего матроса Ивана Луняева о распределении, на случай неявки его в течение 5 лет, причитающихся ему с меня денег. Акт подписан мною, Луняевым, гарпунером Шленским, матросом Шпаковским и поваром Калмыковым» [7, С. 52].

«10 (23) апреля. Уходящие 14 человек везут 7 каяков, на стольких же нартах. В каяках сложены: провизия, палатка, малицы, прибор для варки с противнями, гарпуны, топоры, пила и несколько необходимых инструментов, 20 ф. тюленьего топленого сала и 14 ф. бензина для варки пищи п 9 ф. краски на олифе для проолифливанья каяков. Кроме того, берут 2 компаса (1 спиртовой), секстан, хронометр, бинокль, 7 ружей – 5 винтовок (из них две 6-ти зарядные магазинные и два дробовых, к ним 1250 патронов), лыжи и палки к ним. Провизия состоит из следующего: сухарей 30 пудов, гороху молотого 1 пуд, сухого мяса для бульона 20 ф., мяса консервного 1 пуд 9 ф., крупы манной 10 ф., зелени сухой 10 ф., луку сушенаго 20 ф., соли 1 пуд, перцу 2 ф., чаю 10 ф., сахару 14 ф., молока 27 ф., масла 5 ф., шоколаду 5 ф., горчицы 3 ф., сушен. фрукт 5 ф. и спичек» [7, С. 53]. Этот список фактически продублирован в предисловии к дневнику В.И. Альбанова [5, С. 16-17]. Он имеет принципиальное значение для оценки действий В.И. Альбанова после 1917 года, как бы это ни было неожиданным во всей этой истории.

В предисловии к первому изданию дневника В.И. Альбанова говорится: «На десятый или одиннадцатый день по оставлении судна, когда партия уже находилась в 40 верстах от него, отделились с целью вернуться на судно три чело-

века: матросы И. Пономарев, А. Шахнин и кочегар М Шабатура» [5, С. 15]. То же повторяется в тексте дневника: «На десятый или одиннадцатый день послѣ нашего отхода…» [5, С. 61]. Но далее встречаем странную фразу: «Я полагаю, что на слѣдующій же день они прибыли благополучно на «Св. Анну» [5, С. 61]. Три матроса никак не могли пройти 40 верст за сутки, хот я они и двигались. видимо, быстрее партии Альбанова.

В.И. Альбанов писал в своем дневнике: «Из оружия мы взяли с собой: 2 магазинки, 3 промысловых норвежских винтовки, 1 двустволку-дробовик и 2 гарпуна, патронов разных–около 3 пудов» [5, С. 43]. Двустволок было две по копии судового журнала: [10, С. 53] «7 ружей из них 5 винтовок и два дробовых». Но в списке взятого в поход имущества в дневнике В.И.Альбанова, упоминается одна двустволка [5, С. 46], кроме этого, оставшееся оружие перечисляется еще раз [5, С, 106-107][1].

Как оценивают эти документы Д.А. Алексеев и П.А. Новокшонов, «Выписка из судового журнала оказалась неизмеримо ценнее всех капиталов баронессы Паризо де Ла-Валетт» [3, С. 55].

Особый интерес к судьбе экспедиции Г.Л. Брусилова начал проявляться с 1970-х-1980-х годов. В это время появляются публикации в журнале «Вокруг света», выходит ряд книг, в этом ряду особенно выделяются публикации Д.А. Алексеева и П.А. Новокшонова, вводящие в оборот ряд новых гипотез.

В статье «Пассажирка» Д. Алексеев и П. Новокшонов писали: «И вот одна из последних гипотез вновь всколыхнула общественный интерес. Ее суть: предположительно летом 1915 года шхуна вышла из ледового плена и, возвращаясь к побережью военной Европы, попала в зону активной деятельности немецких подводных лодок. По времени это совпало с объявлением Германией неограниченной подводной войны, и немецкие субмарины топили без предупреждения все суда своих противников и нейтральных стран. Вполне возможно, что кое-кто из экипажей гибнущих судов попадал в тесные кубрики подлодок.

Вероятность этого подтвердил и видный историк подводной войны, сотрудник Института истории Академии наук ГДР доктор Б. Каулиш. С ним по нашей просьбе беседовал берлинский корреспондент «Известий» Н. Иванов доктор Каулиш посоветовал продолжать исследования в этом направлении.

Но неожиданно для нас самих поиск пошел непланируемым путем. Мы получили письмо из Таллина от Нины Георгиевны Молчанюк. Она, дальняя родственница участницы экспедиции Ерминии Александровны Жданко, единственной

[1] Судьба самого В.И. Альбанова до конца не ясна: Как пишет М.Чванов, ««после окончания навигации 1919 года Альбанов был вызван в Омск в гидрографическое управление, на обратном пути заболел тифом, и в Красноярск поезд уже привез холодное тело. По другим сведениям, на станции Ачинск рядом с поездом, в котором он ехал, взорвался эшелон с боеприпасами. По третьим – он погиб при взрыве поезда где-то вблизи Ачинска» [30, С. 32-33].

женщины на борту «Святой Анны», сообщила, что незадолго перед второй мировой войной к родственникам или знакомым в Ригу приезжала Ерминия... Брусилова и что живет она – или жила – где-то на юге Франции[1] [2, С. 54].

И вот как эта история выглядит в книге тех же авторов, вышедшей в свет восемью годами позднее: «Мы получили письмо из Таллина от Нины Георгиевны Молчанюк, дальней родственницы участницы экспедиции Ерминии Александровны Жданко.

Она сообщила, что ее тетка, Александра Ивановна Жданко, однажды в разговоре вскользь упомянула о том, как за год-полтора до начала второй мировой войны Ермнния Брусилова приезжала в Ригу из южной Франции. «...К большому моему теперь огорчению, – пишет Нина Георгиевна, – я не поняла тогда всей сенсационности этого сообщения, да и сама тетя Саша не придала этому событию большого значения. Приезжала и приезжала, а почему бы и нет? Думаю, что ни о судьбе экспедиции, ни о судьбе генерала Жданко она вообще ничего не знала. На мой вопрос – Как Ерминя Жданко? Эта самая Ерминия? – тетя Саша ответила – «Ну да, та самая»».

Факт невероятный. Значит, шхуна не погибла в высоких широтах? Но где сам Георгий Брусилов?! И остальные члены экипажа?!» [3, С. 59].

Попробуем что-нибудь выяснить об авторе интригующего письма.

Нина Георгиевна Молчанюк – это, по-видимому, та самая Нина Молчанюк (в девичестве Броведовская), которая, между прочим, в самом конце августа 1941 года встречалась в Елабуге с Мариной Цветаевой и оставила о том ценные воспоминания (см. статью Ирмы Кудровой «Третья версия. Ещё раз о последних днях Марины Цветаевой», а также статью Л. Козловой «Анастасия Цветаева в моей жизни» – казахстанский журнал «Нива», № 3 за 2009 год, С. 137-156)[2].

Из упомянутых источников следует, что, действительно, Нина Георгиевна Молчанюк, родом из Пскова, жила потом в Таллине и там занималась журналистской работой. Нина Молчанюк-Броведовская, как получается, действительно была дальней родственницей Ерминии Жданко, но вот насчёт «малолетства»… в пофамильном списке ветеранов Псковской области указано, что Нина Георгиев-

[1] Еще сразу два курьеза: Газета «Известия сообщала: «Через несколько лет после этого, во Франции, одном из главных центров русской эмиграции, появилась женщина, которая назвала себя выжившей Ерминией Жданко и издала собственные мемуары – удивительным образом напоминающие дневники Альбанова. Она же якобы рассказывала о браке с Георгием Брусиловым» (Приемская Евг. Ирония полярной судьбы // Известия, 3 февраля 2018 г.). Книга Р.Гузи «В полярных льдах» никак не является чьими-то мемуарами, что признавал и автор, насчет того, что кто-то выдавал себя за Ерминию Жданко, нет никаких сведений. И еще одно недоразумение: «После Второй Мировой войны объявилась дальняя родственница Е.А. Жданко, которая сообщила, что незадолго до начала войны в Ригу приезжала… Ерминия Жданко, жившая где-то на юге Франции». Это произошло накануне Второй мировой войны. На фамилию Жданко никто бы не обратил внимания: эта таинственная Ерминия носила фамилию Брусилова» (Белкин Семен. Полярный детектив // Журнал «Чайка» https://www.chayka.org/node/9838 23 мая 2019 г.)

[2] Здесь и далее использован материал: Антонов В. Крики чайки белоснежной // https://www.vilavi.ru/sud/anna/anna-1.shtml. https://www.vilavi.ru/sud/anna/anna-2.shtml https://www.vilavi.ru/sud/anna/anna-3.shtml. Получается, что и судьба Марины Цветаевой не случайный эпизод в жизни Н.Г.Молчанюк, если ее дед переписывался с отцом поэтессы И.В.Цветаевым (см. далее).

на Молчанюк родилась 1 мая 1925 года – в 1928 году, стало быть, ей было всего три года[1], но в 1939 году уже 14 лет…

Впрочем, совсем не исключено, что Ерминия приезжала в Ригу и позже, а 1928 год возник не в воспоминаниях Нины Молчанюк, но в воспоминаниях Анатолия Вадимовича Доливо-Добровольского, с которым, как сообщается, встречался писатель Николай Черкашин. Возможно, что она приезжала в Ригу дважды, а А.В.Доливо-Добровольсий вспомнил только о полученной в 1928 году открытке и мог не знать о втором приезде Ерминии Александровны.

А.В. Доливо-Добровольский рассказал Н.А.Черкашину, что к его родственникам в Москву из Риги пришла открытка, которая извещала о приезде в 1928 году Ерминии Жданко в Ригу. Открытка по вполне понятным причинам не сохранилась, её быстро уничтожили, т.к. в те годы ОГПУ за зарубежные связи бывших дворян спросило бы по всей строгости.

Получив письмо от Нины Молчанюк, авторы указанной выше статьи в журнале «Вокруг света» навестили в Москве Льва Борисовича Доливо-Добровольского (племянника Георгия Брусилова) и сводную сестру Ерминии Жданко Ирину Александровну, которые высказали предположение, что речь идёт совсем о другой Ерминии, а именно – об их дальней родственнице, «проживавшей в Югославии»…

По-видимому, они совершенно правы: помимо «нашей» Ерминии Александровны Жданко, была ещё и другая Ерминия Александровна. Это легко увидеть из следующей схемы, которую я составил, опираясь на опубликованную родословную Доливо-Добровольских:

Борис Осипович Доливо-Добровольский, брат Тамары по матери, был мужем Ксении Брусиловой, сестры Георгия Брусилова. Бориса Доливо-Добровольского расстреляли в сентябре 1937 года, а Ксения Львовна скончалась в Москве в 1982 году.

У старшего брата Тамары и Бориса, Александра Доливо-Добровольского, было двое детей. Его сын Вадим, очевидно, и является отцом того самого Анатолия Вадимовича Доливо-Добровольского, с которым встречался писатель Николай Черкашин. Относительно же дочери Александра Осиповича, которую тоже звали Ерминией («Мима»), известно, что она была пианисткой и проживала в Любляне – теперь это столица Словении, но и тогда, и долгое время спустя это было именно что «в Югославии».

Конечно, нет ничего удивительного в том, что «югославская» Ерминия, пианистка, приезжала в Ригу – да и не один раз, наверное. Возможно, она приезжала даже с сыном – а почему бы и нет?.. И вовсе уж не удивительно то, что о её приез-

[1] На сайте «Память народа» (https://pamyat-naroda.su/awards/cards/1513525347) указано: Броведовская Нина Георгиевна, 1923 года рождения, воинское звание – гвардии лейтенант. Других данных нет. На странице https://pamyat-naroda.su/awards/anniversaries/1517289086 - данных больше: Нина Георгиевна Молчанюк. Дата рождения военнослужащей: __.__.1923. Место рождения: Украинская ССР, Черниговская обл., г. Нежин. Награждена Орденом Отечественной войны II степени. 06.11.1985.

де кто-то известил «родственников» Анатолия Вадимовича Доливо-Добровольского – ведь она, как-никак, приходилась его отцу родной сестрой»… Но тогда с какой стати при имени этой Ерминии Александровны появляется фамилия Брусилова?

М. Чванов пишет в книге «Загадка штурмана Альбанова» «Но самое невероятное меня ждало впереди. Мне неожиданно позвонила Ирина Александровна.

– Знаете, – сказала она, – тут еще одно письмо есть. Его получил журнал «Вокруг света» как отклик на публикацию Алексеева и Новокшонова. Его принес мне один из авторов, Дмитрий Анатольевич Алексеев. Это, кстати, сын известного полярного летчика Анатолия Дмитриевича Алексеева. Я вам его прочитаю. Она медленно стала читать, и я вдруг почувствовал под сердцем легкую слабость:

«Уважаемый товарищ редактор! Пишу Вам вот по какому поводу: в номере восемь за 1978 год Вашего журнала есть статья «Как погибла «Св. Анна»?..». Речь в ней идет о моих родственниках. Мой дед, учитель Псковской мужской гимназии И.Ф. Жданко[1] был в родстве с генералом Жданко. Степени родства я не знаю, но, кажется, Ерминия (правильно Ермина) Александровна приходится мне двоюродной теткой. Родственных связей между обеими семьями не было почти никаких – слишком велика была разница в общественном и имущественном положении, но одна из моих родных тетей, Александра Ивановна Жданко, была более или менее дружна с Ерминой.

О «Св. Анне» и ее участии в экспедиции мне слышать не приходилось, но вот вскоре после войны тетя Саша была в Риге у другой нашей дальней родственницы, уехавшей в Ригу в 1918 году, и та ей рассказала, что незадолго до войны, году в 1938 – 1939-м, в Ригу приезжала Ермина Брусилова не то с сыном, не то с дочерью, теперь уже не помнит, и что живет она где-то на юге Франции. Н. Молчанюк».

– Но это же невероятно! – смог выдохнуть я.

– Подождите, я прочту второе письмо, дополняющее это: «Я увиделась с тетей Сашей после войны только в 1953 году. Она рассказывала о поездках в Ригу и вскользь упомянула, что Жигулевичи говорили, что за год-полтора до войны Ермина Брусилова приезжала в Ригу не то с дочерью, не то с сыном и что живет она теперь где-то на юге Франции. К большому моему теперешнему огорчению, я не поняла тогда всей сенсационности этого сообщения, да и сама тетя Саша не придала этому большого значения: приезжала и приезжала, а почему бы и нет? Думаю, что ни о судьбе экспедиции (если и вообще знала о ней), ни о судьбе генерала Жданко после революции тетя Саша вообще ничего не знала. Но вот фа-

[1] Жданко Иван Федорович (10 ноября 1843 года – 1 декабря 1900 года) – живописец, педагог. (Псковская Энциклопедия, 2007 С.285) Псковская энциклопедия, – Изд. 2-е, доп. – Псков: – издательство «Псковская энциклопедия», 2007. – 996 с. Тем самым, во-первых, однозначно решается вопрос, поставленный в статье: Галицкий В. КТО ОН, ПСКОВСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ИВАНА ВЛАДИМИРОВИЧА ЦВЕТАЕВА?// Псковский хронограф 2002 № 3. Во-вторых, становится понятным, что Н.Г.Броведовская-Молчанюк не случайный человек в истории семей Жданко и Брусиловых, а дальняя родственница Ерминии Александровны.

милия – Брусилова – у нее не вызвала удивления, видимо, о ее замужестве или возможном замужестве тетя Саша знала. На мой вопрос: Как Ермина Брусилова? Эта та самая Ермина?» – тетя Саша ответила: «Ну да, та самая».” [30, С. 37].

– Если верить всему этому, получается, что «Святая Анна» все-таки вышла на чистую воду.

– Получается... Но в это очень трудно поверить. – Если в 1915 году, как предсказывал Альбанов и как показывают расчеты, она освободилась ото льдов... Шла мировая война – домой они не могли вернуться. А потом революция, гражданская война... Но неужели за все эти годы Ерминия Александровна ни разу не поинтересовалась судьбой своих родственников?

– Не знаю. Тут что-то не так. В то же время тогда было, наверное, не просто узнать о судьбе родственников.

– Но в 1939 году в Риге неужели она бы не попыталась узнать у тех же Жигулевичей о судьбе родственников? И тут бы волей-неволей возник разговор об участии в полярной экспедиции. Потом, как-то же нашла она Жигулевичей, хотя они уехали в Ригу только в 1918 году, то есть уже после ухода Ерминии Александровны в экспедицию. А Брусилов, почему он не искал?

– Складывается впечатление, что Брусилов умер, может, даже еще на судне. А большинству, норвежцам, и незачем было рваться в Россию.

– Да, загадка...

– Была у нас, правда, еще одна Ерминия Александровна, дальняя родственница. Она жила в Югославии. Но она, по-моему, не могла быть знакома с нашими рижскими родственниками. Потом совершенно исключено, чтобы она стала Брусиловой...

Несколько дней я не мог прийти в себя от этой ошеломляющей версии. Действительно, что-то тут не так. Пусть так сложилась судьба, что она осталась во Франции, но неужели за все эти годы она ни разу не попыталась разыскать своих родственников? А если пыталась, но безуспешно?» [31, С. 116-117].

Эта информация чрезвычайно важна: значит, Нина Георгиевна Молчанюк (Броведовская) связывалась не только с А.В. Доливо-Добровольским и своими московскими родственниками, и не только с Д.А. Алексеевым и П.Новокшоновым (они говорят: «Мы получили из Таллинна), но и с редакцией журнала «Вокруг света». Видимо, причину для письма в редакцию Н.Г. Молчанюк считала для себя серьезной.

У Д.А. Алексеева и П.А. Новокшонова есть своя версия о судьбе «Св. Анны» после выхода из льдов осенью 1915 года. Они считают, что шхуна Г.Л. Брусилова могла освободиться от льдов летом – не позднее июля – 1915 года [1] «…многое говорит за то, что летом 1915 года „Св. Анна“ могла оказаться на чистой воде в той части Атлантики, откуда в Норвегию, Англию и Россию надо плыть курсом юго-восток.

Судно вышло из дрейфа на чистую воду. Поднимаются паруса. Куда плыть? Заход в Исландию давал сутки-двое выигрыша во встрече с цивилизацией, но закономерно отодвигал встречу с Большой Землей. Конечно, в Петербург. Через Северное море, мимо Оркнейских и Фарерских островов. Возможно, с заходом в Норвегию. Ведь на борту несколько норвежцев…

Потрепанная почти трехлетним пребыванием во льдах „Са Анна“ под парусами движется к Европе. Переход через Атлантический океан мог длиться не более пяти-семи суток. Остаются последние дни и мили. Люди с нетерпением всматриваются в каждую точку на горизонте. Какой будет встреча с землей?

На мачте – русский флаг. Вахтенный докладывает.

– Георгий Львович, рыбина какая-то странная всплыла.

– Да это же подводная лодка! – безошибочно определяет Брусилов.

Шхуна изменяет курс. Но зачем на лодке торопливо разворачивают в их сторону орудие? Гремит первый выстрел. Рядом со шхуной начинают рваться снаряды. Шхуна уже горит. А с подводной лодки еще стреляют.

Возможно, экипаж не успел даже спустить спасательные шлюпки. Да и остались ли они после зимовки с недостатком топлива?

С февраля 1915 года воды, омывающие Англию, объявлены Германией зоной морской блокады… Пресса тех месяцев пестрит сообщениями о погибших судах. Только со 2 по 9 июля потоплено девять пароходов и одиннадцать рыбачьих судов, с 9 по 16 июля – один пароход и пять рыбачьих судов. С 3 по 16 июля только одна из германских подводных лодок потопила три русских судна – четырехмачтовый барк и два парохода. Пожалуй, август принес самый мрачный „урожай“ – погибло сто одно судно. Командир подводной лодки „У-38“ капитан-лейтенант Валентинер поставил своеобразный „рекорд“ – за пять дней пустил ко дну двадцать два парохода и 3 парусника.

Война шла не на жизнь, а на смерть. Союзники отдали секретный приказ: пользуясь нейтральным флагом, уничтожать подлодки. Появились суда-ловушки. Эти суда имели вид обычных торговых судов и замаскированные пушки. Суда-ловушки должны были заманивать подлодки на дистанцию прямого выстрела, внезапно открывать огонь и уничтожать.

Немцы, в свою очередь, поломав все каноны морской призовой войны, зачастую не утруждали себя опознанием „национальности“ судна. Альтернативным был лишь вопрос: расходовать торпеду, если есть подозрение, что судно несет артиллерийское вооружение или является судном-ловушкой, либо всплывать и разделываться с жертвой пушечными выстрелами или подрывными патронами. Для экипажей обреченных судов места в тесных помещениях подлодок, как правило, не оказывалось. Зона наибольшей плотности погибших судов находилась около Оркнейских островов и к юго-востоку от Фарерских островов и в северной части Северного моря, то есть как раз в зоне возможного плавания „Св. Анны“ после освобождения изо льдов. А „Св. Анна“ даже не ведала, что в мире второй год идет кровопролитная война» [1, С. 53-54].

Находя версию Д. Алексеева и П. Новокшонова интересной и возможной, Валентин Иванович Аккуратов, комментировавший их публикацию, отмечал: «Однако в этой версии есть одно слабое звено. К концу своего многолетнего дрейфа „Св. Анна“ не имела ни достаточного запаса продовольствия, ни топлива, и, конечно, самым трезвым и реальным решением командира судна был заход в ближайший порт для пополнения всем необходимым и ремонта потрепанного корабля, ибо впереди лежал путь по бурным осенним морям. Ближе всего были Ян Майен и Исландия. Но сюда „Св. Анна“ не заходила».

Тем не менее целиком отказываться от этой версии нельзя. Невозможно учесть все жертвы морской войны. «Наиболее достоверными могли быть рапорты командиров подводных лодок, – писали Д. Алексеев и П. Новокшонов. – Но часть этих рапортов отправлена на дно вместе с лодками, часть же скрылась в секретных военно-морских архивах.

И кто знает, не хранится ли где-нибудь до сих пор сообщение педантичного немецкого офицера о том, что в Северном море, в точке, обозначенной такими-то координатами, потопили шхуну под русским флагом, вооруженную двумя пушками (гарпунными, которые на расстоянии легко можно спутать с боевыми)» [1, С. 53-54].

М.Чванов пишет: «Кстати, в скором времени после звонка Ирины Александровны я получил письмо от Д.А. Алексеева: „Св. Анна” могла быть остановлена любым немецким судном. «Св. Анна» была уничтожена, а Ерминию Александровну как женщину немцы могли подобрать. По законам военного времени Ерминия Александровна Жданко или весь экипаж шхуны мог быть интернирован до конца войны. Попытки Жданко найти контакт с родственниками в 1918 году могли не увенчаться успехом ввиду революции, гражданской войны и перемещения второй семьи генерала Жданко по России» [30, С. 118; 32, С.154].

В.И. Аккуратов, выразивший сочувственное отношение к гипотезе Д. Алексеева – П.Новокшонова, отмечает, что среди находок на мысе Флора имелась дамская туфелька от Поставщика дворе Его Императорского величества, которая могла принадлежать Ерминии Жданко [1]. Интересно, что в собственных публикациях В.И. Аккуратов не упоминает о паруснике, который видели летчики на Земле Франца-Иосифа в 1937 г. другие авторы ссылаются на его устные рассказы.

Большинство исследователей вслед за Альбановым сходятся на том, что наиболее вероятная дата освобождения «Св. Анны» изо льдов – лето 1915 года, а место – вблизи северных берегов Гренландии [31].

М.А. Чванов, написавший ряд книг о судьбе «Св. Анны», дополняет то, что нам известно из публикаций Д.Алексеева и П.Новокшонова:

«Первым же поездом я вернулся в город и по междугородному телефону-автомату позвонил Валентину Ивановичу.

– Да, – подтвердил он. – Только не в тридцать восьмом, а в тридцать седьмом. Была низкая облачность в тот день, как помню. Поднимались мы на вездеходе по леднику вверх на купол. Взглянул я на море случайно, а там во льдах, милях в трех от берега, мимо бухты Теплиц-бай – парусное судно. Вмерзшее в лед. Три мачты, реи оборваны. Видно, что она давно во льдах! По всем очертаниям – «Св. Анна». Я показал на корабль, и все, перебивая друг друга, стали кричать: «Святая Анна»! «Святая Анна»!» Мы повернули назад, бросились к самолету, стали разогревать мотор. Но пока то да се – корабль закрыло туманом, постепенно он наполз и на берег... Туман разошелся только через две недели. Ветер угнал куда-то льды, море было чистым – не было и судна. Мы облетели кругом в радиусе ста километров, но безуспешно... Но почему-то ни у кого не было сомнения, что это была «Св. Анна». Правда, перед этим вечером мы много говорили на эту тему. Но что корабль, вмерзший во льды, был около бухты Теплиц-бай, совершенно очевидно. Допустим, у меня могла быть галлюцинация, но не могла же она быть у всех! Это, конечно, могла быть и другая шхуна, мало ли шхун зверобойных, контрабандных бросали в двадцатые годы около этого архипелага. Но очень уж она была похожа на «Св. Анну»!» [30, С. 74-75; 32, С.77-78]. В последней книге наряду с цитируемым рассказом приведено и сообщение В.И. Аккуратова о дамской туфельке.

С.Кудряшов в беседе с писателем М.Чвановым повторяет то, что нам знакомо: «Любопытна версия, что «Св. Анна» уничтожена немецкой подлодкой, так как в борьбе с ними союзный флот использовал суда-ловушки, замаскированные и под рыболовецкие шхуны. А вот знаменитый полярный авиаштурман В.И. Аккуратов рассказывал мне, что в 1938 году в одном из проливов Земли Франца-Иосифа видел дрейфующую трехмачтовую шхуну, очень похожую на «Св. Анну»... Но самые невероятные и в то же время вполне возможные версии возникли в последнее время. Согласно одной из них Ерминия Александровна Брусилова в 20-е годы проживала на юге Франции. По другой - некую Ерминию Жданко встречали в Югославии[1]. А третья гласит, что Жданко-Брусилова в тридцатые годы приезжала в Ригу к родственникам...» [17].

Что касается парусника, который вроде бы видели В.И.Аккуратов и И.П. Мазурук (который не обмолвился об этом истории ни словом), здесь можно обратиться к рассказам об этой истории. [30-32]. А Н.А. Черкашин пишет: «Известный полярный авиаштурман В. Аккуратов утверждал, что в 1937 году, пролетая в районе Земли Франца-Иосифа видел под крылом вмерзший в лед безлюдный парусник с тремя мачтами и обломанными реями» [34, С. 212]. Изложение этого возможного события дается по непонятным источникам и явно с искажениями. Все-таки странно, складывается впечатление, что сам В.И. Аккуратов не писал

[1] К слову, фамилия пианистки Ерминии (ожидаемо Доливо-Добровольской) не упоминается ни в одной из публикаций, она не могла быть ни Жданко. Ни тем более Брусиловой.

об этом, но рассказывал многим, с кем вел диалоги о судьбе «Св. Анны»[1] Надо обратить внимание, что В.И. Аккуратов, автор множества статей по истории полярных исследований и авиации, в собственных статьях ни разу не упоминал об этой истории. Между тем его творчество пронизано увлекательными вымыслами – он приложил руку к уфологии, он же вместе с И.И.Черевичным видел динозавра в якутском озере Хайыр [35].

Что касается поиска сведений о «Св.Анне» в немецких военных архивах, то даже те крохи, которые были получены энтузиастами такого поиска, содержат явные недоразумения. М.Чванов пишет: «Архив любезно прислал мне копию военного дневника подводной лодки У-19 за 5 июня 1915 года. В этот день, кстати, был потоплен русский парусник «Адолуф фон Рига». Запись неясная, имеется поправка 1932 года. Перевод записи: «В час. 30 мин. курс 169 градусов на два парусника… 9 час. 30 мин. Квадрат 067 б, один парусник – русская двухмачтовая шхуна «Адолуф фон Рига» 250 т. была обстреляна и потоплена. Экипаж спасся на лодках и был принят датским парусником. Другой парусник – датская трехмачтовая шхуна «Миаген фон Туро» – был остановлен сигналами… и после проверки следует в Ирландию…» Поправка 1932 года: «Адолуф фон Рига» не содержится в регистре Ллойда. В русском списке (Гайера) указан с водоизмещением 169 тонн. Может быть перепутан с английским кораблем «Стар оф те Вест», 197 тонн, который был уничтожен 5 июня в том же районе». Может, «Адолуф фон Рига» и есть «Св. Анна»?» [32, С. 223]. Как можно, серьезно занимаясь историей «Св. Анны» перепутать двухмачтовый рижский парусник с трехмачтовой «Св. Анной» - уму непостижимо. Кроме того, словосочетание «фон Рига» не входит в название судна, а обозначает порт приписки.

По последнему материалу видно, как из одной истории в популярных изложениях появляется целых три: По известным сообщениям, Ерминия Брусилова приезжала в Ригу с юга Франции, а Ерминия Жданко, пианистка, жившая в Любляне, не имеет отношения к интересующей нас истории, и она никак не могла носить фамилию Брусилова и тем самым не имеет отношения к рижской истории.

Один из читателей книг М.Чванова, Борис Михайлович Петров написал М. Чванову письмо: «Какие пути поиска кажутся мне важными и возможными?

1. В архиве МИД ОВИР буржуазной Латвии проверить въезд в эту республику в 1936–1940 годах Е.А. Жданко-Брусиловой. Надо учесть, что в памяти жителей Риги начало войны датируется, очевидно, значительно ранее, чем июнь 1941 года.

2. То же – в МВД Франции, на выезд Жданко-Брусиловой из страны.

3. Попробовать через Югославию узнать, не могла ли приезжать в Ригу тезка Е.А. Жданко.

[1] Это все существенно и требует внимания, но это не явные недоразумения. М.В. Водопьянов в своей книге «Полярный летчик» (1959) называет Г.Л. Брусилова Алексеем, перепутав его с его дядей А.А. Брусиловым.

4. Через общество СССР–Франция попробовать установить у литературоведов Франции подлинность книги Р. Гузи.[1]

5. Если Жданко жила на юге Франции, можно допустить, что какие-то материалы экспедиции могли попасть в океанографический музей Монако. Следует запросить, скажем, по линии Музея Арктики и Антарктики.

6. Запросить регистр Ллойда о судьбе шхуны «Бланкатра» (она же «Пандора», она же «Св. Анна»), построенной в Англии в 1867 году, о реальности существования в XX веке зверобойной шхуны «Эльвира». Может быть, мы стучимся в открытую дверь, может, у Ллойда есть интересующие нас официальные данные.

7. Следует запросить и Норвежский морской музей, может быть, Тура Хейердала. Кто-то из матросов мог вернуться в Норвегию» [32, С.183-184][2].

Общие направления поиска нужных нам сведений в этом письме обозначены верно. Однако автор уж больно по-советски представляет документации выезда и въезда граждан стран Европы в другие страны, и конкретика, обозначенная в письме, явно повела бы в тупик.

Корреспондент М.Чванова пишет ему: «Появление книги Р. Гузи и приезд некой Ермины Брусиловой из Франции в Ригу – настолько интригующие факты, что представляются мне едва ли не самыми интересными во всей эпопее «Св. Анны». Ведь можно даже допустить, что Ермина Жданко еще жива (90 лет)!» [32, С. 179].

[1] Нынче совершенно ясно, что книга Р.Гузи – чистейший литературный вымысел. Об истории создания этой книги подробно рассказано в статье Б.Д. Сергиевского [24; см. 17, С. 201, прим. 43; 22, С. 218-222]. Книга Р.Гузи недавно переиздана вместе с дневником В.И. Альбанова [4]. Нетрудно сообразить, что вся история с дневником перечеркивается тем, что Ерминия Жданко после войны носит фамилию Брусилова, чего дневник Ивонны Шарпантье не предполагает. Можно считать, что Р.Гузи, сочиняя свое произведение, ничего не знал о том, что команда «Св. Анны» могла спастись. Можно продолжить анализ текста книги Р.Гузи, но это уже ничего не даст. Дата возвращения ушедших на судно [4] повторяет недоразумение у В.И. Альбанова, согласно которому три моряка потратили на обратный путь к судну сутки вместо десяти. Приведенные у Р.Гузи координаты судна на разные дни [4] могли быть получены логическими рассуждениями об общем направлении дрейфа. Подобные литературные мистификации стали жанром приключенческой литературы. Оказался мистификацией и дневник шведского аэронавта С.Андре, якобы найденный в Олонецкой губернии петербургским издателем Колотиловым сразу же после исчезновения воздушного шара «Орел». [13, С. 265]. Совсем плохо, когда романисты берутся за сюжет неясного происхождения, соответствие которого действительности более чем проблематично: один из последних примеров – роман Э.Марцелла (псевдоним русского автора - А.Б) [20]. Сюжет романа – легендарная история парусника «Октавиус» якобы прошедшего через Северо-Западный Проход с погибшей командой освещен в историко-географической литературе по наиболее раннему из возможных источников [23]. Но то, что нам становится известно по трем страницам из судового журнала «Октавиуса» достаточно для того, чтобы признать всю эту историю вымыслом: во-первых, паруснику XVIII века для того, чтобы дойти от Лондона до широты Канарских островов требовалось не 10, а 20 суток, паруснику начала XIX века – 15 суток, во-вторых, английские суда обычно заходили на португальскую Мадейру, а не на испанские Канары. Скорость «Октавиуса» похожа на скорость американского клипера середины XIX века – видимо, тогда же и именно в США и была сочинена история корабля мертвецов, прошедшего Северо-Западным проходом.

[2] Впрочем, еще раз справедливости ради отметим, что с историей появления Ерминии Брусиловой в Риге есть неясности. Н.А.Черкашин называет датой ее возможного появления в Риге 1928 год [34], но ссылается на геолога Анатолия Вадимовича Доливо-Добровольского, родственника Брусиловых и Жданко, с семьей которого поддерживали контакты Д.Алексеев и П.Новокшонов [34]. Ничто не мешает предполагать, что Ерминия Жданко-Брусилова приезжала в Ригу дважды.

Есть еще интересные письма к М.Чванову, опубликованные им в своих книгах. Вот еще одно: «В это время я получил письмо из Мурманска от своего давнего друга писателя Виталия Маслова, в прошлом известного полярного радиста, начальника радиостанции на атомоходе «Сибирь». Он, видимо, со стороны наблюдал за моим поиском и, как человек чрезвычайно занятый всевозможными общественными делами, без всяких комментариев вложил мне в конверт письмо, написанное ему неким И.С. (конверт с фамилией Виталий забыл вложить), к которому он, видимо, пытаясь мне помочь, обращался с просьбой поделиться своими соображениями о дальнейшей судьбе «Св. Анны».

Письмо это замечательно сразу в нескольких смыслах. Случайно или неслучайно, оно пришло не раньше, не позже, а именно после письма-анализа Бориса Михайловича Петрова и подтверждало его версию возможного выхода «Св. Анны» на чистую воду еще осенью 1914 года, как и подтверждало, что только сам Бог или Николай Чудотворец вывели Альбанова на мыс Флора (по всему, льды должны были унести его на запад), где, также по счастливой случайности для атеистов и по Божьему промыслу для людей сколько-нибудь верующих, он встретит «Св. Фоку». Это письмо любопытно и тем, что, оказывается, в отечественной истории были не только «дети лейтенанта Шмидта», но и «Конрады», добывающие на трагической экспедиции свое нищее пропитание.

Итак, письмо И. С., скорее всего, опытного полярного капитана: «Виталий! За несколько лет до войны я читал замечательную книгу В.И. Альбанова «70 дней борьбы за жизнь»[1]. В 1934 году в Архангельске мне показали второго участника группы Альбанова, оставшегося в живых, – матроса Конрада, ноги у него были ампутированы, передвигался он на роликовой тележке[2].

Статья «Неразгаданная тайна» навела меня на мысль, что л/п «Седов» повторил дрейф «Св. Анны», то есть оба они попали в одно и то же постоянное течение и оба были вынесены в Норвежское море.

Как тебе известно, я принимал участие в операции по выводу «Седова» из дрейфа, в операции были задействованы л/к «Сталин», суда «Сталинград» и «Мурманск», и случилось так, что на трех судах, а именно на «Сталине», «Сталинграде» и «Седове», были мы, четверо однокашников ленинградской мореходки выпуска 1937 года (фамилии неразборчивы. – М.Ч.).

Мое предположение о выносе «Св. Анны» в Норвежское море основано на том, что «Седова» вынесло туда же, именно вынесло, то есть ледоколу «Сталин» не пришлось взламывать паковый лед, он подошел к «Седову» вплотную по битому льду, а через пару-трое суток «Седов» выбрался бы изо льдов и без помощи ледокола, так была близка кромка льдов. Пишу это тебе с целью возможной твоей заинтересованности как писателя. Крепко обнимаю, И.С.».

[1] Речь идет о книге: Пинегин Н. «70 дней борьбы за жизнь» [22].

[2] Это ошибка, автора которой трудно установить. Или кто-то перепутал А.Н. Конрада с Г.В. Точиловым, матросом с бота «Руслан» (См.: Розенфельд М. Ледяные ночи. М.: Молодая гвардия, 1934, 184 с.; Химаныч О. Побед без жертв не бывает // Корабельная сторона, 2004, 17 августа), или в Архангельске водились самозванцы.

И тут меня стукнула мысль: а что если «Св. Анна» действительно вышла изо льдов еще осенью 1914 года? И Г.Л. Брусилов был жив.

И он не захотел возвращаться на родину, имея за собой огромные долги, а Ерминия Александровна разделила с ним судьбу? А потом закружилось, завертелось, так что она смогла приехать в Ригу только перед Второй мировой войной…»[1] [30; 32, С. 188].

Совершенно новая информация, проливающая свет на вероятную судьбу «Св. Анны» отыскивается в книгах Н.А. Черкашина:

«В Штральзунд меня занесло без всяких дел. Просто в один из воскресных октябрьских дней 1988 года мои берлинские друзья Петра и Манфред, у которых я гостил, решили показать мне старый ганзейский город-порт. Мы сели в скорый поезд, бегущий на северо-восток Германии, и через три часа, как до Твери, докатили до Штральзунда.

Островерхий город с взъерошенной временем красной чешуей черепиц весьма походил на Ригу, с той разницей, что вместо Даугавы Штральзунд пересекала неширокая протока между материком и островом Рюген. Лютеранские петухи на шпицах смотрели в море. От остывшей Балтики веяло промозглой осенью, и мы отправились на поиски подходящего кабачка. Мы обогнули монастырь Святого Духа с госпиталем для престарелых моряков и наконец нашли то, что искали: два фонаря – желтый и красный – зазывно светились в сумерках перед входом в бирштубе – пивной погребок – «У Ханзы».

Рослый немолодой буфетчик в кольчужном фартучке на пивном брюшке и наколотой на предплечье розой ветров кивнул нам на столик под деревянным рулевым колесом, украшавшим стену зала. К ступице штурвала была прикреплена русская икона, как мне сначала показалось, – Божией Матери. Однако присмотревшись, я разобрал церковнославянскую вязь: «Святая Анна Кашинская».

Штурвал этот маячил у меня прямо перед глазами. На медной закладке проступали затертые латинские литеры «... andor...».

Это все, что осталось от названия судна, которое когда-то управлялось этим штурвалом. «Андора»? – гадал я. – «Пандора»?

По моей просьбе Петра спросила у буфетчика, что за имя начертано на штурвале. Тот пожал плечами и сказал, что эту реликвию добыл для бара его отец, бывший рыбак. Он вызвался позвонить ему и набрал номер. После недолгой беседы пересказал нам, что услышал.

После разгрома Гитлера Германия страшно голодала, и администрация союзных держав разрешила немецким рыбакам выходить в Балтийское и Северное моря. Но никому не хотелось вытягивать своими тралами морские мины, которыми оба моря были начинены, как хороший суп клецками, и все сейнеры забирались дальше на север. Отец ходил механиком на небольшом траулере.

[1] Напомним, что только в недавнее время была установлена дата смерти А.М. Сибирякова (2 ноября 1933 г. Ницца) [32].

В эту пору по морям носило много брошенных и полузатопленных посудин. Особенно часто встречались они в Северном море, куда течениями выносило остатки разгромленных арктических конвоев.

Однажды, это было осенью 1946 года, отцовский траулер чуть не врезался в густом тумане в брошенную парусную шхуну.

Высадившись на нее, рыбаки обнаружили много мясных консервов. Провиант перегрузили в трюм траулера, заодно сняли этот штурвал и эту икону. Забрали также и граммофон с пластинками.

– Чей это был парусник?

– Отец не знает. На нем не было ни флага, ни имени на борту.

Вот и вся история» [33, С. 213-214]. Фразы, выделенные курсивом, отсутствуют в [32]. Между тем это пример, когда пренебрежение самыми невероятными сообщениями может повредить исследованию: кто в Германии мог знать, что на «Св.Анне» был граммофон? Что касается консервов, то это в принимаемой нами системе предположений определенное свидетельство того, что «Св.Анна» вышла из льдов не в 1915, а в 1914 году, когда провизия на ней еще оставалась[1].

Что касается брошенных в море парусников, то их было множество и после первой мировой войны (об этом упоминал В.И. Аккуратов), американцы вынуждены были приказать флоту открыть охоту на «летучих голландцев» [26-27], и, как видим, и после второй мировой войны ситуация повторялась.

Вот как отреагировал на сообщения Н.А. Черкашина М.Чванов: «Стоп! Пандора! «Св. Анна» раньше называлась «Пандора»! Нанести новое имя на борта – полдела. Но на штурвале и на некоторых деталях было выбито первородное имя «Pandora»! На медной накладке рулевого колеса в штральзундском кабачке были вытравлены литеры «… andor…». А это ведь вполне могли быть остатки надписи «Пандора», которую суеверные моряки пытались забить[2]. Икону Святой Анны – какую же еще могли им вручить перед походом?! Конечно, это могла быть и икона Николая Морского, покровителя моряков, и Христа Спасителя. Но к штурвалу «… andor…» все-таки была прикреплена икона Святой Анны. Два совпадения… По двум точкам штурманы берут пеленг. Можно ли это маленькое открытие считать пеленгом на пропавшую шхуну? Что, если именно брусиловскую «Аннушку» встретили в Северном море немецкие рыбаки?..» Вот такое письмо. Как жаль, что Николай Андреевич Черкашин познакомился с моей книгой только после своей поездки в Штральзунд, иначе он обязательно поехал бы к отцу кабатчика, чтобы узнать подробности: что еще было на шхуне, какие предметы, бумаги ли…»

[1] И вот что сделано из этого сообщения в газетной статье: «Якобы во время Второй мировой войны, чуть ли не когда они гонялись за нашими конвоями, где-то совсем на севере немцы наткнулись на вмерзшее в лед судно, и вот оттуда его папа привез всё это на память. Но эта история тоже не проверена. Кто-то из наших в этом городе даже побывал и пытался найти это место, но ничего так и не нашел» (Приемская Евг. В поисках шхуны «СВ.Анна» // Известия, 21 января 2018).

[2] Справедливости ради придется признать, что штурвал с надписью: «Пандора» будет не родным штурвалом этого судна, поскольку «Пандора» это не первое. а предпоследнее его название.

[32, С. 266]. Здесь, конечно, многовато пафоса, и можно было не ссылаться на статью из почти недоступного альманаха «Екатерининская гавань», поскольку и слова президента Пуанкаре, и прежние названия «Св. Анны» давно и хорошо известны в литературе.

Н.А. Черкашин, размышляя о судьбе «Св.Анны» написал: «Среди нескольких версий о судьбе брусиловской экспедиции, есть и такая достойная, на первый взгляд, фантастики Александра Беляева: шхуна «Святая Анна», вмерзшая в лед, продолжает свое неспешное движение по большому кругу, вовлеченная в так называемый центральноарктический циклический дрейф» [33, С. 212]. Тут наш автор не совсем прав: эту версию – с живым, хотя и постаревшим, Брусиловым и его сыном использовал некогда популярный писатель-детективист Н.Шпанов (1896-1961), опубликовавший в 1932 году повесть «Земля недоступности» (другое название «Лед и фраки»).

Совершенно неожиданно появилось еще одно практически сенсационное сообщение, В.З.Кузьмина, биограф В.И.Альбанова и членов экипажа «Св. Анны» пишет: «Но вот много лет назад дошла до нас информация: кто-то с юга Франции предлагал наследникам участников экспедиции откликнуться. Но мы не откликнулись. Вы не знаете, кто у Брусиловых во Франции?» [18, С.176].

И опять неясность: В.А. Троицкий [29] пишет, что после ухода ряда членов команды перед отправлением из Александровска Брусилов взял в экспедицию архангельских поморов. В.З. Кузьмина [18] внимательно рассмотрела биографии участников экспедиции, среди которых не оказалось ни одного архангелогородца. Запрос о поисках наследников, отправленный из Франции на Мурман, мог исходить от местных уроженцев – И.Пономарева, А.Шахмина или Г.Анисимова. Остальные уроженцы Мурмана погибли во льдах при походе группы Альбанова.

Продолжение темы экспедиции Г.Л.Брусилова на «Св. Анне» в рассматриваемой книге [13] действительно выглядит загадочным. Однако в ней почему-то не упомянута книга М.Чванова «Загадка гибели шкуны «Св. Анна», вышедшая первым изданием в 2009 г в той же серии «Морская летопись». Пусть история со штурвалом, будто бы принадлежащим «Св.Анне» и найденном на брошенном паруснике в 1945-1946 гг. в Северном море, который М.Чванов видел лет 25 назад в одном портовом кабачке в Германии, слишком красива. Но известны свидетельства о том, что Ерминия Брусилова (уже не Жданко, а Брусилова!) приезжала в 1930-е годы в Ригу из Франции (те, кто сообщил об этом, не знали, что с ней что-то могло случиться), имелись данные о том, что Г.Брусилов встречался с Б.Вилькицким во Франции или в Бельгии, Наконец, есть еще одно косвенное, но важное свидетельство, что экспедиция Г.Брусилова могла иметь удачное завершение в каком-то европейском порту - ни одна из стран Европы более не проявляла интереса к тем районам Арктики, через которые пролег дрейф «Св. Анны»: Франция в 1920-е годы начала исследования смежного района - побережья Гренландии. Бутылка с запиской, датированной 13 февраля 1913 года

якобы написанной на «Св. Анне» [13], похоже, мистификация. Добавим, что несколько лет назад на Земле Франца Иосифа обнаружены останки одного из матросов «Св Анны» из числа ушедших с В.Альбановаым.

Корреспондент латвийской газеты «Советская молодежь» И.Литвинова, изложившая в пяти номерах своего издания содержание книги М.Чванова 1981 года, прислала ему фотокопию статьи из рижской газеты «Сегодня», № 31 за 1935 год. Статья называется «20-летие гибели полярной экспедиции лейтенанта Брусилова, в которой участвовало много латышей». Статья начиналась так: «Недавно исполнилось 20-летие трагической гибели судна «Св. Анна», на котором в полярные страны в 1912 году отправлялась экспедиция лейтенанта Брусилова.

В Лиепайском и Вентспилсском портах можно еще и теперь найти моряков, встречавшихся со своими земляками – забытыми героями брусиловской экспедиции Александром Кондратом, Густавом Мельбартом. Яковом Фрейбергом, Яном Регальдом и другими…» [32, С. 230].

М.Чванов, сообщая об этой статье, пишет следующее: «Достоверность этой статьи у меня, правда, вызывает большое сомнение. Конрад называется Кондратом, помимо перечисленных четверых в экспедиции, оказывается, были еще и другие латыши. Не из обыкновенного ли квасного латышского патриотизма высосаны эти утверждения? Если же это правда, и, если «Св. Анна» каким-то образом после ухода с нее Конрада и Альбанова все-таки вышла на чистую воду, кто-то из латышей все равно вернулся бы на родину: им, в отличие от Жданко и Брусилова, революция и гражданская война в России этому не мешали». Тут дело в том, что латышей - членов команды «Св. Анны», как представляется, никто специально не искал.

Определенный итог поисков в Риге по факту публикации И.Литвиновой неутешителен: «И. Литвинова попыталась проверить версию «пребывания» Ермении Жданко в Риге в 1938–1939 годах. Но, как она писала, «обнаружить в Риге тех родственников или потомков (по одной версии их фамилии – Жигулевич, но другой – Жиглевиц) мне не удалось» [32, С. 230]. Но недоверие М.Чванова, о котором он говооит в вышеприведенной цитате, по крайней мере необоснованно: спутник В.И.Альбанова именуется Кондрат в первом издании дневника Альбанова, на которое мы ссылаемся, в издании 1917 года и еще в некоторых ранних публикациях. Более того, это значит, что те, кто мог встречаться с членами команды «Св.Анны» - а фамилии Мельбард и Параприц встречаются в Интернете, фамилия Фрейберг попадается слишком часто, а фамилия Регальд выводит исключительно на публикации о «Св.Анне» (Добровольский А. В Арктике пытаются разгадать тайну героя знаменитой повести «Два капитана» // Московский комсомолец, 26.04.2013). Конечно, члены команды «Св.Анны» знали спутника В.И. Альбанова как Кондрата.

Что мы находим в объемной литературе по проблеме «Св. Анны», ее капитана и части его команды?

Есть сведения, что Ерминия Брусилова приезжала в Ригу. Следы ее пытались найти так, как будто нормы въезда в Латвийскую республику контролировались так, как будто там действовали правила советского ОВИРа. Сомнения М.Чванова, основанные на том, что А.Конрад там представлен как Кондрат – авторское недоразумение, потому что написание Кондрат встречается в старых публикациях нередко. Да, есть некоторые разночтения в дате приезда легендарной Ерминии в Ригу, но мало ли что могло случиться с памятью. Вторая Ерминия Жданко (или Брусилова?), которая жила в Югославии в Белграде и была пианисткой, вопреки М.Чванову, никак не могла получить фамилии Брусилова. Или тут образовалась путаница, и ее фамилия толком неизвестна? Едва ли, тем более, если она приходилась родней Доливо-Добровольским.

Есть сведения, что штурвал со «Св.Анны» попал на стену морского кабачка в Штральзунде. Эта история достойна романа, а Н.А. Черкашин – писатель, начитанный в своем материале, как бы он ни оправдывался, что на момент визита в кабачок он мало что знал об истории «Св. Анны». Тут надо иметь в виду следующее: после второй мировой войны в море встречалось большое количество брошенных судов, в особенности изживших свой век парусников. Как писал Л.Н. Скрягин, то же самое наблюдалось после первой мировой войны и в 1920-е годы, Военно-морскому флоту США пришлось даже принимать специальные меры по охоте на такие суда [26-27]. Патефон на «Св.Анне» точно был, а количество консервов на борту, в чем сомневаются некоторые пишущие, зависит от того года, когда «Св. Анна» вышла из льдов – если это был по какой-то причине 1914 год, а не 1915 год, если он подходил по ледовой обстановке, то консервы на ней могли оставаться. Это, в свою очередь, предполагает, что «Св. Анна» простояла 31 год где-то в порту как бесхозное судно и только в 1945 году порт решил от нее избавиться как от ничейного имущества, старый парусник оказался не нужен никому.

Версия о том, что «Св.Анна» могла встретиться с немецкой подводной лодкой, вероятна в хронологическом и географическом плане. Шла война, но почему «Св.Анна» должна была встретить именно подводного охотника? Ведь в этом же море были английские корабли противолодочной обороны. Среди них, между прочим, был и французский корабль, которым командовал известный полярный капитан Жан-Батист Шарко (1867-1936), который как раз и занимался охотой на немецкие субмарины.

Когда началась Первая мировая война, Шарко служил в морском госпитале в Шербуре, но в 1915 году получил под командование противолодочный корабль, бывший новым типом кораблей флотов воюющих стран (сперва британский, поскольку Франция не располагала своими, а затем французский, когда такие появились во Франции) и до конца войны занимался противолодочной обороной у французских берегов Бретани и Нормандии, был награждён орденами Франции и Великобритании[1].

[1] http://www.c-cafe.ru/days/bio/12/025_12.php.

В этом случае остаются шансы, что «Св. Анна» под охраной могла дойти до какого-либо порта. Ведь вероятность встречи «Св. Анны» с кораблями противолодочных сил союзников никак не меньше, чем с немецкими подводниками.

Тут и без упоминания о противолодочном корабле Ж.Шарко появляется сюжет, о котором стоит задуматься. Почему после экспедиции Брусилова на «св. Анне» ни одна европейская страна не послала экспедиций в эти неисследованные полярные районы? Причем таких экспедиций не было н и сразу после исчезновения «Св.Анны», в военные годы (это было бы еще понятно), но и в более позднее время. Тот же Ж.Шарко, как только ему позволили обстоятельства, отправился к берегам Гренландии [6] – то есть далее по полярному маршруту туда, где не побывал Г.Л.Брусилов. Странное совпадение, не правда ли?

Нам известно со слов посетившей Ригу Е.Брусиловой, что она и ее муж, соответственно Г.Л. Брусилов, проживали на юге Франции. Можно ли, будучи известным, не оказаться замеченным соотечественниками и не засветиться публично? Но ведь сибирский купец А.М. Сибиряков, финансировавший ряд арктических экспедиций, человек очень даже известный, на родине долгое время считался умершим в 1890-е годы, хот я. как оказалось позже, он скончался в Ницце в 1934 году, получая пенсию от шведского правительства. Дата его ухода из жизни, наконец-то скорректирована в энциклопедиях и справочниках.

В свое время, во время начала активного обсуждения судьбы «Св. Анны и ее команды», оставшейся в полярных льдах, появилась публикация о моряках-латышах из команды «Св. Анны». Среди них были И.Параприц, Г,Мельбард, Я.Фрейберг – напомним, что Ян Регальд после размышлений ушел со св. Анны с группой Альбанова, догнав группу в пути. Тогда есть смысл совместить ряд возможных событий: если Брусилов с супругой и с оставшейся командой «Св. Анны», попали во Францию, то выпускники Рижских мореходных классов могли вернуться в Латвию. Носители фамилий Параприц и Мельбард встречаются в Интернете, фамилия Фрейберг интуитивно относится к частотным, это не Евгений Николаевич Фрейберг, хотя он тоже был связан с морем и Севером, и даже окончил Морской кадетский корпус.

Предположение о том, что «Св. Анна» с оставшимися на ней членами команды добралась до берегов Европы, кажется, находит еще одно подтверждение в связи с фактами, которые раньше не привлекали к себе внимания. В 1917-1918 гг В.Альбанов жил в Ревеле и, как отмечают некоторые авторы, бывал в Риге. Если «Св. Анна» выбралась из льдов, моряки-латыши вернулись на родину, что было бы, если бы об этом узнал В.И. Альбанов? Почту, полученную от командира «Св. Анны», он не доставил адресатам, кроме копии судового журнала – к этому склоняются некоторые из пищуших, да и иначе и не объяснить ее исчезновения уже в Архангельске. Что было в почте – прежде всего там была подробная опись экспедиционного имущества, полученного В.И. Альбановым перед уходом со «Св. Анны». Пока моряки ничего не знали о судьбе Г.Л. Брусилова, эту опись мож-

но было публиковать, она имела статус всего лишь исторического документа. Эта опись накладывала на В.И. Альбанова финансовые обязательства перед Г.Л. Брусиловым в случае утраты имущества – а утрачено было почти все, что участники похода на землю Франца-Иосифа взяли с собой с судна. Пока о «Св.Анне» не было никаких вестей. В.И. Альбанов считал себя в относительной безопасности в плане ответственности за снаряжение экспедиции, и тут, представим себе, выясняется, что командир, вручивший ему в пользование имущество экспедиции, жив, и, возможно, желает с ним встретиться. Становится понятным, что Брусилов, если он узнал о спасении моряков, оставшихся на «Св. Анне», предпочел уехать из Европейской части России, оставив службу в Петрограде и Архангельске.

Внимательное изучение документов, опубликованных почти срезу же после возвращения Альбанова и Конрада, позволяет сделать одно непротиворечивое предположение, касающееся почты Брусилова, которую должен нести собой Альбанов.(см. [3, 13, 29]). Некоторые авторы усматривают, что почта не была отправлена адресатам В.И. Альбановым по той причине, что в письмах могли содержаться сведения, бросающие тень на штурмана. Похоже, что эти письма остались на «Св.Анне». Наблюдения над перемещением банки с почтой в процессе перехода Альбанова со «Св.Анны» на землю Франца Иосифа» обращают наше внимание на то, что банка с почтой была возвращена на «Св.Анну», там в копию журнала была внесена запись об уходе с судна Я.Регальда [7], и, видимо, именно тогда же из банки Альбанова была изъята частная корреспонденция.

Что мы знаем из того, что может прояснить загадочное исчезновение «Св. Анны» и ее команды и указывает на ее возможную судьбу?

1) Появление в Риге Ерминии Брусиловой с сыном или дочерью, о чем было сообщено открыткой в Москву Доливо-Добровольским и о чем знала Н.Г. Молчанюк, дед которой имел фамилию Жданко.

2) Сообщение о том, что Г.Л. Брусилов и его семья (жена и ребенок) жили на юге Франции.

3) Информация о паруснике, брошенном в Северном море и встреченном немецкими рыбаками в 1945 или 1946 году.

4) Штурвал с надписью «…andora» и иконой св. Анны Кашинской в кабачке в Штральзунде.

5) Розыски наследников членов команды «Св. Анны» на Кольском полуострове в 1970-е годы.

6) Отсутствие намерений со стороны европейских стран исследовать район, через который прошел дрейф «Св.Анны», после Первой мировой войны.

7) Непонятное поведение В.И. Альбанова после 1917 года, в котором можно усматривать попытку избежать встречи с Г.Л. Брусиловым и, возможно, оставшимися в живых членами команды «Св. Анны», поскольку никакие обстоятельства не снимали с В.И. Альбанова долг за имущество, взятое со «Св.Анны» для перехода на землю Франца-Иосифа.

Информация о первых трех событиях происходит из двух разных источников, и противоречия в ней, связанные с возможными датами появления Е.А. Брусиловой (Жданко) в Риге устраняются возможностью неоднократного приезда, а Ерминия из Любляны к этой истории не имеет отношения – она не могла быть Брусиловой. Старый штурвал с надписью и иконой – рассказ о таком предмете мог придумать только хороший знаток темы. Пятое событие – надежнейшее свидетельство того, что в живых после плавания остались матросы, ушедшие с Г.Л. Брусиловым из Александровска-на-Мурмане, и скорее всего вся команда «Св.Анны» или большинство оставшихся на ней. Шестое обстоятельство трудно объяснимо вне возможной связи с возможностью получения материалов наблюдений со «Св.Анны» во Франции (напрашивается предположение о знакомстве Ж.Ф. Шарко с Г.Л.Брусиловым)[1] Седьмое обстоятельство вычитывается из журнала «Св.Анны» и дневников В.И. Альбанова и связывается с утратой им экспедиционного имущества: здесь же, возможно, сказывается и то, что В.И. Альбанов мог не знать, куда и где исчезла вверенная ему почта, если письма моряков были извлечены из банки на «Св.Анне» при дополнении журнала новыми событиями после ухода группы В.И. Альбанова.

В заключение остается отметить, что большинство публикаций о судьбе экспедиции Г.Л. Брусилова в отечественной литературе и периодических изданиях имеет обзорно-мемориальный характер и малополезно для исследований[2]. Тем не менее имеющиеся публикации, авторы которых претендуют на исследования судьбы экспедиции Г.Л. Брусилова, продолжают привлекать к себе внимание.

Литература

1. Алексеев, Д.А. Как погибла «Святая Анна»? / Д.А. Алексеев, П.А. Новокшонов // Вокруг света. – 1978. – № 8. – С.51-54.

2. Алексеев, Д.А. Пассажирка / Алексеев, П.А. Новокшонов // Вокруг света. – 1980. – № 12. – С. 54-57.

3. Алексеев, Д.А. По следам «таинственных путешествий» / Д.А. Алексеев, П.А. Новокшонов. – Москва : Мысль, 1988. – 205 с.

4. Альбанов, В.И. На юг, к земле Франца Иосифа. Гузи Р. В полярных льдах / В.И. Альбанов. – Москва : Издательская группа «Контэнт», 2013. – 256 с.

5. Альбанов, В.И. На юг, к земле Франца-Иосифа. Приложение к 41-му тому «Записок по гидрографии» / В.И. Альбанов. – Петроград, 1917. - 195 с.

[1] В нерешенных проблемах полярных трагедий, таким образом, обнаруживаются новые гипотезы и новые исследовательские инструменты. Еще один пример – несколько лет наза автор и его собеседник Г.В.Аккуратов (сын В.И.Аккуратова) в телефонном разговоре о поисках самолета и экипажа С.А.Леваневского в один голос высказали мысль о том, что разгадка исчезновения этого самолета может заключаться в том, нет ли в конструкциях американских тяжелых самолетов конца 1930-х годов элементов конструкции самолета ДБ-А. Самолет Boeing XB-15 оказывается очень сходным с ДБ-А, кроме того, они имеют общую судьбу: оба самолета не пошли в большую серию и не оправдали возлагавшихся надежд.

[2] Одно из приятных исключений – материал Н.А.Верюжского «Призрачно всё в этом мире» http://artofwar.ru/w/werjuzhskij_n_a/

6. Блон, Ж. Великий час океанов. т. 2. Атлантический океан. Тихий океан. Полярные моря / Ж. Блон. – Москва : Славянка, 1993. – 446 с.

7. Брейтфус, Л.Л. Полярная экспедиция лейтенанта Г.Л. Брусилова на шхуне «Св. Анна» / Л.Л. Брейтфус, . – Петроград: Типография Морского ведомства, 1914. – 76 с.

8. Брейтфус, Л.Л. Северные полярные экспедиции 1912 года и их поиски / Л.Л. Брейтфус // Записки по гидрографии. – 1915. – т. 49., вып. 2. – С. 1-44.

9. Буйнов, Р. Обрученные с Севером. По следам «Двух капитанов» / Р. Буйнов. – Москва : Вече, 2012. – 304 с.

10. Дневник матроса Александра Эдуардовича Конрада. Полярный музей 2011. – Санкт-Петербург : Российский государственный музей Арктики и Антарктики, 2011. – 60 с.

11. Долгова, С.В. Русские экспедиции в Арктику 1912-1914 гг. / С.В. Долгова. – Москва : Paulsen, 2013. – 32 с.

12. Загадка Арктики // Советская Сибирь. – 1934. – № 241, 18 октября.

13. Ковалев, С.А. Тайны пропавших экспедиций / С.А. Ковалев. – Москва : Вече, 2011. – 384 с.

14. Корякин, В.С. Владимир Александрович Русанов, 1875–1913? / отв. ред. В.М. Пасецкий. – Москва : Наука, 1987. – 129 с.

15. Корякин, В.С. У последних параллелей планеты / В.С. Корякин // Вокруг света. – 1975. – № 11. – С. 12-19.

16. Корякин, В.С. Русанов / В.С. Корякин. – Москва : Молодая гвардия, 2005. – 359 с.

17. Кудряшов, С. Тайна «Двух капитанов» / С. Кудряшов // Труд . – 2002. – 17-18 апреля.

18. Кузьмина, В.З. По следам «Святой Анны» и штурмана Альбанова. – Полярный ЗАТО Александровск (Мурманская обл.): Опимах, 2014. – 318 с.

19. Кушаков, П.Г. Два года во льдах на пути к Северному полюсу с экспедицией старшего лейтенанта Г.Я. Седова / П.Г. Кушаков. – Петроград : 10-я Гос. тип., 1920. – Ч. 1. – 247 с.

20. Марцелл, Э. Октавиус / Э. Марцелл. – Санкт-Петербург : Написано пером, 2016. – 460 с.

21. Непомнящий, Н.Н. 100 великих загадок XX века / Н.Н. Непомнящий. – Москва : Вече, 2010. – 480 с.

22. Пинегин, Н. 70 дней борьбы за жизнь / Н. Пинегин. – Архангельск: Северное издательство, 1932. – 68 с.

23. Рамсей, Р. Открытия, которых никогда не было / Р. Рамсей. – Москва : Прогресс, 1977. – 206 с.

24. Сергиевский, Б.Д. Дневник экспедиции Брусилова? / Б.Д. Сергиевский // Вокруг света. – 1984. – № 2. – С. 58-60.

25. Симакова, Л. Александр Кучин. Русский у Амундсена / Л. Симакова. – Санкт-Петербург : Paulsen, 2015. – 320 с.

26. Скрягин, Л.Н. Реальные призраки морей / Л.Н. Скрягин // Чудеса и приключения. – 1991. – № 1. – С. 78-83.

27. Скрягин, Л.Н. Тайны Летучего голландца / Л.Н. Скрягин. – Москва : Вече, 2000. – 400 с.

28. Троицкий, В.А. Новый квадрат поиска: еще одна версия гибели экспедиции В. Русанова / В.А. Троицкий // Вокруг света. – 1988. – № 7. – С. 35.

29. Троицкий, В.А. Подвиг штурмана Альбанова / В.А. Троицкий. – Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1989. – 224 с.

30. Чванов, М. Загадка штурмана Альбанова / М. Чванов. – Москва : Мысль, 1981. – 132 с.

31. Чванов, М. Загадка штурмана Альбанова / М. Чванов. – Москва : Вече, 2012. – 416 с.

32. Чванов, М. Загадка гибели шхуны «Святая Анна» / / М. Чванов. – Москва : Вече, 2017. – 480 с.

33. Черкашин, Н.А. Авантюры открытого моря / Н.А. Черкашин. – Москва : ООО «Совершенно секретно», 2004. – 384 с.

34. Черкашин, Н.А. Командоры полярных морей / Н.А. Черкашин. – Москва : Вече, 2003. – 476 с.

35. Шарина, С.И. Фольклор и действительность сегодняшнего дня: традиционные фольклорные рассказы народов Сибири и современная мифологема реликтового динозавра / С.И. Шарина, А.А. Бурыкин, // Серия «Мыслители», Смыслы мифа: мифология в истории и культуре., Выпуск 8 / Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 122-125.

36. Шпаро, Д. Путь, прочерченный пунктиром / Д. Шпаро, А. Шумилов // Вокруг света. – 1977. – № 7. – С. 22-30.

37. Шумилов, А. «Геркулес» исчезает во льдах / А. Шумилов // Знание-сила. – 1996. – № 8. – С. 138–147.

References

1. Alekseev, D.A. How did Saint Anna die? / D.A. Alekseev, P.A. Novokshonov // Around the world. – 1978. – No. 8. – P. 51-54.

2. Alekseev, D.A. Passenger / D.A. Alekseev, P.A. Novokshonov // Around the World. – 1980. – No. 12. – P. 54-57.

3. Alekseev, D.A. On the trail of "mysterious travels" / D.A. Alekseev, P.A. Novokshonov. – Moscow: Mysl, 1988. – 205 p.

4. Albanov, V.I. South to Franz Joseph land. Guzi R. In the polar ice / V.I. Albanov. – Moscow : Publishing group "Content", 2013. – 256 p.

5. Albanov, V.I. South to Franz Josef Land. Appendix to the 41st volume of "Notes on Hydrography" / V.I. Albanov.. – Petrograd, 1917. – 195 p.

6. Blon, J. The Great Hour of the Oceans. vol. 2. Atlantic Ocean. Pacific Ocean. Polar seas / J. Blon. – Moscow: Slavyanka, 1993. - 446 p.

7. Breitfuss, L.L. Polar expedition of Lieutenant G.L. Brusilov on the schooner “St. Anna” / L.L. Breitfuss. – Petrograd : Printing House of the Marine Department, 1914. – 76 p.

8. Breitfuss, L.L. Northern Polar Expeditions of 1912 and Their Searches / L.L. Breitfuss // Notes on Hydrography. – 1915. – vol. 49., no. 2. – P. 1-44.

9. Buinov, R. Betrothed to the North. In the footsteps of the “Two Captains” / R. Buinov. – Moscow : Veche, 2012. – 304 p.

10. Diary of the sailor Alexander Eduardovich Konrad. Polar Museum 2011. – St. Petersburg : Russian State Museum of the Arctic and Antarctic, 2011. – 60 p.

11. Dolgova, S.V. Russian expeditions to the Arctic 1912-1914 / S.V. Dolgova. – Moscow: Paulsen, 2013. – 32 p.

12. Mystery of the Arctic // Soviet Siberia. – 1934. – No. 241, October 18.

13. Kovalev, S.A. Secrets of the missing expeditions / S.A. Kovalev. – Moscow : Veche, 2011. – 384 p.

14. Koryakin, V.S. Vladimir Alexandrovich Rusanov, 1875-1913? / ed. V.M. Pasetsky. – Moscow : Nauka, 1987. – 129 p.

15. Koryakin, V.S. At the last parallels of the planet / V.S. Koryakin // Around the world. – 1975. – No. 11. – P. 12-19.

16. Koryakin, V.S. Rusanov / V.S. Koryakin. – Moscow : Molodaya Gvardia, 2005. – 359 p.

17. Kudryashov, S. The Mystery of “Two Captains” / S. Kudryashov // Trud. – 2002. – April 17-18.

18. Kuzmina, V.Z. Following in the footsteps of “Saint Anna” and navigator Albanov / V.Z. Kuzmina. – Polyarny ZATO Aleksandrovsk (Murmansk region): Opimakh, 2014. – 318 p.

19. Kushakov, P.G. Two years in the ice on the way to the North Pole with the expedition of Senior Lieutenant G.Ya. Sedova / P.G. Kushakov. – Petrograd : 10th State. type., 1920 – Part 1. – 247 p.

20. Marcellus, E. Octavius / E. Marcellus. – St. Petersburg : Written by pen, 2016. – 460 p.

21. Nepomniachtchi, N.N. 100 great mysteries of the 20th century / N.N. Nepomniachtchi. – Moscow : Veche, 2010. – 480 p.

22. Pinegin, N. 70 days of struggle for life / N. Pinegin. – Arkhangelsk : Northern Publishing House, 1932. – 68 p.

23. Ramsay, R. Discoveries that never happened / R. Ramsay. – Moscow : Progress, 1977. – 206 p.

24. Sergievsky, B.D. Diary of Brusilov’s expedition? / B.D. Sergievsky // Around the world. – 1984. – No. 2. – P. 58-60.

25. Simakova, L. Alexander Kuchin. Russian at Amundsen / L. Simakova. – St. Petersburg: Paulsen, 2015. – 320 p.

26. Skryagin, L.N. Real ghosts of the seas / L.N. Skryagin // Miracles and Adventures. – 1991. – No. 1. – P. 78-83.

27. Skryagin, L.N. Secrets of the Flying Dutchman / L.N. Skryagin. – Moscow : Veche, 2000. – 400 p.

28. Troitsky, V.A. New search square: another version of the death of V. Rusanov's expedition / V.A. Troitsky // Around the world. – 1988. – No. 7. – P. 35.

29. Troitsky, V.A. The feat of navigator Albanov / V.A. Troitsky. – Krasnoyarsk : Krasnoyarsk book publishing house, 1989. – 224 p.

30. Chvanov, M. The Riddle of Navigator Albanov / M. Chvanov. – Moscow : Mysl, 1981. – 132 p.

31. Chvanov, M. The Riddle of Navigator Albanov / M. Chvanov. – Moscow : Veche, 2012. – 416 p.

32. Chvanov, M. Mystery of the death of the schooner "St. Anna" / M. Chvanov. – Moscow: Veche, 2017. – 480 p.

33. Cherkashin, N.A. High seas adventures / N.A. Cherkashin. – Moscow : LLC "Top secret", 2004. – 384 p.

34. Cherkashin, N.A. Commanders of the polar seas / N.A. Cherkashin. – Moscow : Veche, 2003. – 476 p.

35. Sharina, S.I. Folklore and today's reality: traditional folklore stories of the peoples of Siberia and the modern mythologeme of a relict dinosaur / S.I. Sharina, A.A. Burykin // Thinkers series, Meanings of myth: mythology in history and culture. Issue 8 / Collection in honor of the 90th anniversary of Professor M.I. Shakhnovich. – St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2001. – P. 122-125.

36. Shparo, D., Shumilov, A. The path drawn by a dotted line / D. Shparo, A. Shumilov// Around the world. – 1977. – No. 7. – P. 22-30.

37. Shumilov, A. "Hercules" disappears into the ice / A. Shumilov // Knowledge is power. – 1996. – No. 8. – P. 138-147.

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

УДК 82

***С.А. Исакова*[1]**

ПРИРОДА В ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Е. АЙПИНА «МЕДВЕЖЬЕ ГОРЕ)

THE NATURE IN NORTHERN LITERATURE (AS EXAMPLIFIED BY E. AYPIN'S NOVEL «BEAR'S GRIEF»)

Тема природы одна из ключевых тем в творчестве писателей Севера. В ней ярко и своеобразно отражается культура взаимоотношений человека и природы, основой которых являются, прежде всего, бережное и уважительное отношение к природе, как к источнику жизни, преемственность поколений, сохранение и благополучие самой Живой Природы.

В статье приводится обзор критической литературы о восприятии и изображении природы писателей северной литературы на примере рассказа хантыйского прозаика Е.Айпина «Медвежье горе». Рассматриваются ритуалы, обычаи, связанные с образом медведя и их отражение в хантыйской литературе. Представлен анализ произведения, в контексте которого выявляется образ медведя, как символ единения человека и природы.

***Ключевые слова**: литературоведение, литература народов Севера, хантыйская литература, природа, медведь, Е.Д. Айпин.*

The theme of nature is the central theme in the work of Northern writers. It vividly and uniquely reflects the culture of human-nature relations, which are based primarily on a careful and respectful attitude to nature as a source of life, the continuity of generations, and the preservation and well-being of Wildlife itself.

[1] Исакова Снежана Анатольевна – старший преподаватель, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова.

E-mail: snejana_issakova@inbox.ru

Isakova Snezhana – senior lecturer, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

The article presents a review of critical literature on perception and the image of nature by northern literature authors as exemplified by the story "Bear grief" by a Khanty prose writer E. Aypin. Rituals and customs connected with the image of a bear and their reflection in the Khanty literature are observed. The article suggests the analysis of the story in the context of which the image of a bear is found as a symbol of solidarity of Man and Nature.

Keywords: *literature studies, northern literature, Khanty literature, nature, bear, E.D. Aypin.*

В литературоведении существуют разнообразные формы присутствия природы – это и эмоциональные высказывания, и мифологические описания, и поэтические олицетворения, но чаще всего «под определением природы понимается внешний мир, для которого характерны и описания животных, растений, их, так сказать, портреты, и, наконец, собственно пейзажи (*фр*. pays – страна, местность) – описания широких пространств» [12, С. 133].

В своей книге «Природа, мир, тайник вселенной…» М.Н. Эпштейн подчеркивает, что «каждая национальная литература имеет свою систему излюбленных, устойчивых мотивов, характеризующих ее эстетическое своеобразие» [14, С. 3]. По справедливому замечанию автора каждый писатель имеет «свой, особенный образ природы, между индивидуальными стилями существуют огромные различия, которые, конечно, отсутствовали в древнем обществе, в эпоху сложения мифологии и фольклора» [14, С. 5].

Художественно-литературный опыт писателей Севера складывается на неразрывной связи с родной природой, мир которой у них одушевлен, физически ощутим.

В своих работах писатели отмечают: «Северный человек во все времена обращался к природе, как равный к равному, как к собеседнику-другу, как к соучастнику человеческой повседневности. С природой северный человек делится своим сокровенным, обращается к ней в дни печали и радости, ищет и находит в ней надежного товарища-помощника» [10, С. 243].

Знаменательны и другие высказывания писателей, в которых дается оценка отношения северянина к миру родной природы. Эта оценка производится не с индивидуально авторской точки зрения, а с позиции народа, представителем которого является данный писатель. Так, мансийский поэт Ю. Шесталов писал: «Народы Севера маленькие, как орешки на огромном и величественном кедре. Но и у нас есть свое, то, чего нет у других народов: свои легенды, песни, умение с улыбкой жить в суровых условиях нашего Севера» (Югорская колыбель). В контексте отмечается тематическая обусловленность образного сравнения с опорой на реалии природы – *«маленькие, как орешки на огромном и величественном кедре»* [13, С. 476].

Мир родной природы, естественность и свобода человека в ней стала центральной темой творчества основоположников северной литературы Н.И Спи-

ридонова – Тэки Одулока («Жизнь Имтеургина - старшего»), Н.С. Тарабукина («Мое детство»), Ю. Рытхэу («Когда киты уходят»), В. Санги (сб. «Семиперая птица»), С.Н. Курилова (сб. «Чаундаур»), Г.Н. Курилова - Улуро Адо (сб. «Юкагирские костры»), Ю. Шесталова («Югорская колыбель»), Н.Р. Калитина (сб. «Слушай, моя тайга!») и других. Последующее поколение писателей (Е. Айпин, П. Киле, А. Немтушкин, А. Кривошапкин, А. Неркаги, А. Латкин, Г. Кэптукэ и др.) в еще большей степени проявило интерес к исследованию темы «человек - природа». В произведениях раскрывается психология современного человека в сочетании с духовным миром предков. Много общего прослеживается в системе образов, в характере олицетворений, сравнений, метафор, в стилистической манере. Природа в произведениях писателей показана, как центр мира, а человек - органичная часть природы.

Анализируя труды исследователей северной литературы, находим следующие определения: «…несомненно, что окружающая среда оказывала свое влияние на складывание фольклорно – эстетической системы. Но, несомненно, и другое: противостояние природным стихиям у человека прошлого пробуждало в нем чувство сопричастности к жизни самой природы» [7, С. 150] или «…белое безмолвие тайги человеческая фантазия заселяла злыми и добрыми духами – так рождались волшебные сказки, легенды и мифы, которые в условиях слитой с природой, погруженной в ее стихию жизни кочевников-оленеводов и охотников воспринимались не менее реально, чем сама жизнь» [3, С. 160].

Северовед А.В. Пошатаева, характеризуя понятие природы в литературе народов Севера, отношение к ней, как к прародительнице, отмечает, что «подобно плоду, связанному пуповиной с матерью, все, рожденное землей, связано с ней невидимой нитью» [9, С. 36].

Коренные народы Севера с глубоким уважением относились к земле, называя ее кормилицей, матерью. Земля считалась первопричиной жизни и смерти человека. Вера в это поддерживалась культом Матери Природы, который был главным звеном в общей системе мифологических представлений всех народов Севера. Земля, как главная продуцирующая сила, имеет служителя культа – шамана, помощниками которого были духи, тотемные животные.

Главным посредником между Землей и людьми в мифологии народов Севера считался Медведь. В качестве примера рассмотрим образ медведя в хантыйской культуре.

В работах В.М. Кулемзина, Е.П Мартыновой, Т.А. Молданова и др. широко представлены традиции, обычаи и верования хантов, связанные с животными.

В своих исследованиях ученые отмечают своеобразность миропонимания народа ханты, которое связано с древнейшими верованиями о сверхъестественных свойствах тех или иных предметов. Считалось, что предметы, схожие по своей форме с человеком, зверем, птицей, рыбой т.п. могут приносить удачу или, наоборот, нанести вред. Отсюда возник древний обычай бережно относится к предмету-амулету.

В.М. Кулемзин отмечает: «У некоторых групп хантов семейными покровителями были не антропоморфные изображения, а фигурки разных животных. На Вахе семейным покровителем считалась голова медведя, хранившаяся в жилище» [4, С. 109]

Тотемистические представления хантов сложились еще в древнейшие времена, когда их предки верили в родство людей с каким-либо животным. Исследователи отмечают, что система родственных отношений хантов строится по трем родовым группам - Медведя, Лося и Бобра, в соответствии этому и назывались представители рода. Запрещалось убивать и есть это животное. Со временем появляются различные формы почитания «родственного» животного или даже культ.

В исследованиях Н.Г. Михайловская находим следующее описание: «…вера в духов, суеверный страх перед хозяином тайги – медведем, которого никто из охотников не смеет называть по имени, чтобы не обидеть его – своего предка, – сложились в отдаленном прошлом и поддерживались условиями жизни» [7, С. 140].

Историк и археолог А.А. Бычков в своей книге «Исконно русская» земля Сибирь» приводит следующее описание культа медведя: «К медведю ханты относились двояко: с одной стороны, он зверь, объект охоты, источник пищи, а с другой бывший человек, родственник, родоначальник. Медведя ханты почитали повсеместно, приписывая ему способность охранять членов семьи от болезней, разрешать возникшие между людьми споры, подгонять зверя к самострелу охотника. Отношения между охотником, добывшим медведя, и самим медведем, раскрываются на медвежьем празднике» [2, С. 24-25].

Обряды поклонения медведю проводились для того, чтобы примирить две души – душу медведя и убившего его охотника. Т.А Молданов подчеркивает, что «в культе медведя четко прослеживается отношение к нему, как промысловому животному и стремление к его возрождению» [8, С. 105].

Самобытная культура, обычаи и верования народов Севера, их традиционный уклад жизни, единство с природой способствовали тому, что многие фольклорные анималистические персонажи носят устойчивый экспрессивно-эмоциональный характер, который находит то или иное отражение в творчестве писателей-северян. Так, рассказ современного хантыйского писателя Е. Айпина «Медвежье горе» (1972) посвящен не описанию охоты и охотничьих обрядов, а повествованию о медведе, как об удивительном творении природы, схожим с человеком.

Главный герой рассказа старик Ефрем вспоминает давнюю историю, которая глубоко проникла в его сердце. Медведица, заприметив пасущихся невдалеке оленей, уводит медвежат под валежник и уходит на охоту. Поймав добычу, возвращается к замшелому дереву, под которым прятались медвежата, но находит их бездыханными: *«…с небольшим шумком, похожим и на мольбу, и на бормотание, она давай их тормошить и обнюхивать»*. Медведица от горя мечется из

стороны в сторону и пронзительно ревет, потом *«как полоумная, ломая сучья»* стремительно взбирается на самый верх высокой сосны и сбрасывается оттуда: *«она застонала, вернее, зарыдала, как человек, а потом звезды ее стали медленно гаснуть в страшной тоске. Вскоре она была уже мертва. Видно, сломала себе хребет…»* [1, С. 8].

Следует сказать, что в этом рассказе впервые использован найденный Е. Айпиным стилистический прием - повтор и выстраивание глагола в ритмически звучащее стихотворение в прозе:

«Молчали люди.

Молчали сосны.

Молчали звезды на небе.

Молчал наш костер» [1, С. 9].

Все четыре предложения объединены одним словом *«молчали»*, которое, главным образом, описывает само настроение слушающих, уравнивает человека, деревья, звезды, огонь. Используя этот стилистический прием, автор подчеркивает неразрывную связь человека с природой.

Здесь следует рассмотреть и прием олицетворения, в котором, по наблюдениям Н.Г. Михайловской, «существенным оказывается соотнесение понятия человек и природа, которое включает атрибуты внешней среды, растительного и животного мира» [7, С. 139].

Олицетворение медведицы с человеком просматривается в использовании номинант *«мать», «маленькие деточки», «детки»,* сравнительного оборота: *«… она застонала, вернее зарыдала, как человек-мать…»,* вставной реплики в функции несобственно-прямой речи: *«Пусть, мол, побарахтаются, пока на охоту схожу...»,* [1, С. 8].

Тема единения с природой раскрывается в контекстах, которые относятся к пейзажным описаниям. Так, обстановка охотничьего привала, где в *«длинный осенний вечер» «жаркий костер» и «крепкий ароматный чай»* согревают усталых путников, а *«говор почтенного человека»* располагает к рассказыванию былей, то все живое вокруг объединяется в едином желании послушать историю старого охотника – «*боровые сосны словно придвинулись к нашему костру, притихли*», *«молодые охотники теснее придвинулись к Деду и слушали, затаив дыхание», «лайки-медвежатницы услышав голос старого охотника, навострили уши», «олени мирно жевали жвачку и прислушивались»* [1, С. 7]. В пейзажных описаниях, которые сопутствуют повествованию рассказчика, проявляется индивидуальная манера автора - Айпин как бы заставляет всю природу слушать мудрого старца Ефрема, хранителя традиций своего народа, и тем самым, напоминает сородичам о традициях и обычаях предков, о народном восприятии природы.

Народное отношение к природе прослеживается и у русских писателей (К.Г. Паустовский, В.П. Астафьев, В.И. Белов, В.Г. Распутин и др.), но с той отличительной чертой, что «природа притягивала их как умиротворяющая, прекрасная в

неистощимом разнообразии среда, где человек освобождается от всего мелкого и суетного и обретает душевное равновесие» [6, С. 542].

Природа, несомненно, является одной из центральных образов («Мещерская сторона» К.Г. Паустовского, «Прощание с Матерой» В.Г. Распутина и др.), но все-таки «живет сама по себе, своей собственной силой и вместе с тем подчиняется силе человеческой» [11, С. 114], тогда как у Айпина, природа – это дом родной, вечное начало, дающее жизнь и порождающее жизнь. Примером этому служит этот рассказ, в котором стирается грань между миром человека и миром природы. «Обличье одного и сила чувств другого слились в нечто единое» – пишет об этом в своей статье О. Лагунова [5, С. 80].

В этой связи хочется подчеркнуть особенность творческой позиции Е .Айпина. Будучи коренным жителем Севера, его хантыйского сообщества, человеком, принадлежащим роду Бобра, Еремей Данилович в своих произведениях стремится охватить одним понятием «родственности» все живое, тем самым показать целостное единство природы и человека, передать самобытный характер мышления своего народа, отразившийся в одушевлении предметов и явлений, взятых из мира природы.

Переместив в центр повествования необычные повадки и «нравы» животного, автор создает необыкновенное анималистическое произведение, главным героем которого оказывается медведица со своими медвежатами. Рассказ «Медвежье горе», рожденный на стыке разных жанров - анималистической новеллы, охотничьего повествования и философских рассуждений о родственности и единении всего живого – стал поистине шедевром хантыйского писателя Е. Айпина.

Таким образом, изучение образа природы в северной литературе в теоретическом аспекте показывает, что природа занимает центральное место в творчестве писателей Севера. В своих произведениях они отражают гармоничное отношение человека с природой, показывают традиционные обряды и поверья, связанные с окружающей природной средой, которые направлены, прежде всего, на природосберегающее поведение. В этом исследователи рассматривают «экологическую нравственность» произведений авторов северной литературы, призывающих понимать и беречь природу как бесценный дар.

На примере анализа рассказа хантыйского писателя Е. Айпина «Медвежье горе» можно сказать, что тема природы имеет разнообразное художественно-языковое значение, в контексте которого отражены олицетворенные образы фольклора, в значительной степени зависящие от исторической реальности и специфики их мифологии.

Существует одна общая тенденция художественного выражения данной темы, это – приближение человека к природе, как к источнику его жизни. Поэтому тема природы в литературе народов Севера освещается в ключе бережного и вдумчивого отношения к ней.

Литература

1. Айпин, Е.Д. Медвежье горе / Е.Д. Айпин // Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – Москва : Наш современник, 1995. – 423 с.

2. Бычков, А.В. «Исконно русская» земля Сибирь / А.В. Бычков. – Москва : Олимп, 2006 – 316 с.

3. Воробьева, Н. На новых рубежах: о многонациональной прозе наших дней / Н. Воробьева, С. Хитарова. – Москва : Сов. писатель, 1974. – 220 с.

4. Кулемзин, В.М. Знакомьтесь: ханты / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина. – Новосибирск : Наука, 1992. – 136 с.

5. Лагунова, О.К. Интуиция единения в рассказах Е. Айпина / О.К. Лагунова // Космос Севера. – Екатеринбург : Сред.-Урал.кн. изд-во, 2000. – С.76-85.

6. Левицкий, Л.А. Русские писатели XXвека / Сост. и ред. П.А. Николаев. – Москва : Большая Российская энциклопедия; Рандеву, 2000. – С.541-543.

7. Михайловская, Н.Г. Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока / Н.Г. Михайловская. – Москва : Наука, 1984. – 157 с.

8. Молданов, Т.А. Культ медведя у народов Сибири и Дальнего Востока / Т.А. Молданов // материалы IV Югорских чтений. – Ханты-Мансийск, 2001. – С.103-109.

9. Пошатаева, А.В. Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие) / А.В. Пошатаева. – Москва : Наука, 1988. – 168 с.

10. Санги, В.М. От исторических преданий до исторических романов: О литературе народов Севера / В.М. Санги // Дружба народов. – 1982. – №4 – С.236-250.

11. Сапрыкина, Т.В. Образы природы в повестях «Мещерская сторона» К.Г. Паустовского и «Прощание с Матёрой» В.Г. Распутина / Т.В. Сапрыкин // Вестник МГПУ. Серия: «Филологическое образование». – 2012. – №1(8). – С. 112–120.

12. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – Москва : Высш.шк., 1999. – 238 с.

13. Шесталов, Ю.Н. Югорская колыбель / Ю.Н. Шесталов. – Москва : Молодая гвардия, 1972. – 272 с.

14. Эпштейн, М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной…»: система пейзажных образов в русской поэзии / М.Н. Эпштейн. – Москва : Высшая школа, 1990. – 299 с.

References

1. Aypin, E.D. Bear grief / E.D. Aypin // Oathbreaker. Selected: Novel and Short Stories. – Moscow : Nash sovremennik, 1995. – 423 p.

2. Bychkov, A.V. The «primordially Russian» land of Siberia / A.V. Bychkov. – Moscow : Olimp, 2006 – 316 p.

3. Vorob'yeva, N. On new frontiers: about the multinational prose of our days / N. Vorob'yeva, S. Khitarova. – Moscow : Sov. pisatel', 1974. – 220 p.

4. Kulemzin, V.M. Meet the Khanty / V.M. Kulemzin, N.V. Lukina. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 136 p.

5. Lagunova, O.K. The intuition of unity in the stories of E. Aypin / O.K. Lagunova // Kosmos Severa. – Yekaterinburg : Sred. -Ural.kn. izd-vo, 2000. – P. 76-85.

6. Levitskiy, L.A. Russian writers of the XX century / Comp. and ed. P.A. Nikolayev. – Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; Randevu, 2000. – P. 541-543.

7. Mikhaylovskaya, N.G. Style of Russian-language literature of the North and the Far East / N.G. Mikhaylovskaya. – Moscow : Nauka, 1984. – 157 p.

8. Moldanov, T.A. The cult of the bear among the peoples of Siberia and the Far East / T.A. Moldanov // materials of the IV Yugorsk readings. – Khanty-Mansiysk, 2001. – P. 103-109.

9. Poshatayeva, A.V. Literature of the peoples of the North (Origins. Formation. Development) / A.V. Poshatayeva. – Moscow : Nauka, 1988. – 168 p.

10. Sangi, V.M. From Historical Legends to Historical Novels: On the Literature of the Peoples of the North / V.M. Sangi // Druzhba narodov. – 1982. – No. 4 – P. 236-250.

11. Saprykina, T.V. Images of nature in the vestments of the «Mescherskaya side» by K. G. Paustovsky and «Farewell to Matëroy « by V.G. Rasputin / T.V. Saprykina // Vestnik MGPU. Series: «Philosophical education». – 2012. – № 1(8). – P. 112–120.

12. Khalizev, V.E. Literature theory / V.E. Khalizev. – Moscow : Vysshaya shkola, 1999. – 238 p.

13. Shestalov, YU.N. Yugorskaya kolybel' / YU.N. Shestalov. – Moscow : Molodaya gvardiya, 1972. – 272 p.

14. Epshteyn, M.N. "Nature, the world, the secret of the universe ...": a system of landscape images in Russian poetry / M.N. Epshteyn. – Moscow : Vysshaya shkola, 1990. – 299 p.

УДК 811.512.211

***Р.П. Кузьмина*[1]**

ОСОБЕННОСТИ ЭВЕНСКО-ЯКУТСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РЕЧИ БИЛИНГВОВ

FEATURES OF EVEN-YAKUT INTERFERENCE IN BILINGUAL SPEECH

В статье рассматриваются некоторые особенности функционирования якутских заимствований в верхнеколымском, томпонском, нижнеколымском говорах эвенского языка. Ранее отдельные специфические черты эвенско-якутского двуязычия рассматривались фрагментарно в диалектологических работах исследователей-эвеноведов. Лексический материал исследуемых говоров демонстрируют процесс тесного языкового и культурного взаимодействия с якутским этносом на территории Якутии. В данных эвенских говорах якутские лексические заимствования выявлены во всех тематических группах. В заимствующем языке, вошедшие из языка-источника лексемы, проходят адаптацию на всех языковых уровнях и характеризуются рядом особенностей. Материалом исследования якутских заимствований послужили полевые материалы автора, собранные в разные годы Нижнеколымском, Томпонском, Верхнеколымском улусах Республики Саха (Якутия) (2013-2015 гг.) и изданные публикации по говорам и диалектам эвенского языка.

***Ключевые слова**: эвенский язык, диалект, семантика, согласные, лексика, якутские заимствования, интерференция.*

The article examines some of the features of the functioning of Yakut borrowings in the Upper Kolyma, Tompon, Lower Kolyma dialects of the Even language. Earlier, some specific features of the Even-Yakut bilingualism were considered fragmentarily in the dialectological works of Even scholars. The lexical material of the studied dialects demonstrates the process of close linguistic and cultural interaction with the Yakut ethnos on the territory of Yakutia. In these Even dialects, Yakut lexical borrowings are revealed in all thematic groups. In the borrowing language, the lexemes included from the source language are adapted at all language levels and are characterized by a number of features. The material for the study of Yakut borrowings was the author's field materials collected in different years in the Nizhnekolymsky, Tomponsky, Verkhnekolymsky uluses of the Republic of Sakha (Yakutia) (2013-2015) and published publications on dialects and dialects of the Even language.

[1] Кузьмина Раиса Петровна – к. филол. н., старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН, г. Якутск.

E-mail: raisakuzmina2013@yandex.ru

Kuz'mina Raisa - Candidate of Philological Sciences, senior researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the SB RAS, Yakutsk.

Keywords: *even language, dialect, semantics, consonant, vocabulary, Yakut borrowings, interference.*

В североведении проблемы функционирования якутских заимствований в эвенском языке были освещены в ряде работ исследователей [1-2, 4-5].

По фонетическим, морфологическим и лексическим показателям говоры эвенов Якутии, кроме березовского и улахан-чистайского, отнесены в западное и среднее наречия. Обладание рядом особенностей на всех языковых уровнях, в том числе и на лексическом, значительно отличают их от восточных говоров и литературного эвенского языка. Для некоторых групп эвенов Якутии характерны полилингвизм и билингвизм. Однако следует отметить, что язык эвенов старшего возраста в большинстве своем сохранил свои основные черты, несмотря на контактирование с другими языками, тогда как речь респондентов молодого поколения под воздействием якутского и русского языков подверглась значительным изменениям. Это проявляется, прежде всего, на лексическом уровне, в наличии большого количества заимствований.

Основной словарный фонд языка эвенов Якутии составляют слова общеэвенского происхождения. Вместе с тем лексический состав говоров обнаруживает специфические черты наличием значительного количества слов, не зафиксированных в говорах эвенов Магаданской области, Хабаровского края, Камчатского края, Чукотского автономного округа. Данные лексические единицы мы классифицируем следующим образом: собственно лексические диалектизмы; лексические заимствования из юкагирского, чукотского, якутского и русского языков.

Якутские лексические заимствования в говорах западного и среднего наречия зафиксированы во многих тематических группах. При переходе из одного языка в другой происходит фонетическая адаптация, грамматическое и семантическое освоение заимствованных лексем.

В языке нижнеколымских эвенов частотным является использование в речи заимствованных из якутского языка глаголов, числительных, наречий, союзов, модальных слов: *алыһ* `очень, весьма; слишком` (от як. *алыс*); *ката* (от як. хата) `лучше`; *олиһин* `поэтому` (от як. ол иһин); *оттон* (от як. оттон) `а, но, уж`; *гынан* (от як. гын) `делать`, *ыла* `начиная, с` (от як. ыла).

Из языка-источника в томпонском и верхнеколымском говорах большое количество заимствованных лексем представлены субстантивами, адъективами, глагольными формами, наречими, послелогами, частицами: *булта*дай `охотиться` от як. *булта* `охотиться`; *н'огу* `веревка` от як. *н'огу;* а*раҥас* `лабаз, кладовая на столбах (для хранения вещей)` от як. *араҥас; бөкөтөн* `совсем` от як. *букатын*; *туһлин* от як. *туһунан* `об этом`, *һили* `костный мозг` от як. *Силии* [2-3].

В томпонском говоре употребляются заимствованные из якутского языка союзы и наречия, такие как, *боллагана* (от як. *буоллар* `если б…`); *арай* (наречие) (от як. арай) `только, едва; а, и, и вот, вдруг; разве, разве что`, *д`э* `ну, вот, и вот,

что ж, ну что` (от як. *д`э*); например: Окатла **арай** өмнэкэн итчэл һакаримайа ӈэлэм-ӈэлэм, олдо-гу, йак-ку, магдили-гу. `**И** однажды увидели в речке страшную-страшную, то ли рыбу, то ли насекомое`; **Дьэ** тарав адалач хукухунча, адалла хорча бичэ. `**И вот**, поймали сетью, оказывается, попала в сеть (она)` [3].

Также в данном говоре применяются такие заимствованные качественные прилагательные как - *туһолкан* `соленый` от як. сущ. *туус*; *һынтоӈоя, һинчага, һынчоку* `курносый` от як. *сынтайбыт; кыйбаку* `кокетливый` от як. *кыйбараҥса; эрэйэ-ке* `мучительный` от як. *эрэйдэх; арбаку* `косматый, лохматый` от як. *арбайбыт* [3].

Во многих говорах при заимствовании происходит фонетическая адаптация заимствованных лексем, проявляющаяся в использовании в анлауте и ауслауте заднеязычного согласного **к** вместо увулярного **х;** замене интервокального и ауслаутного заднеязычного **ӈ** согласным **г;** замене в анлаутном и ауслаутном положениях гласного **ы** на гласный переднего ряда **и.** Также в говорах в анлаутной и ауслаутной позициях происходит замена сибилянтного **с** фарингальным **h,** в некоторых заимствованиях в анлаутной позиции сибилянтный **с** заменяется на переднеязычный **ч.** В ламунхинском говоре в некоторых заимствованных лексемах происходит замена начального гласного **э** на **и**: *сок < суох* `нет (отрицание)`, *ток < туох* `что, кто (кроме человека)`, м*унн'ак < мунн'ах* `собрание`, *һерга <* сыарҕа `нарта`, *кэрэгэй < кэрэҕэй* `глупый`, *һугас < чугас* `близкий, ближний; близко, вплоть`, *иӈин < эӈин* `различный, разный`, *һотору<сотору* `в скором времени`, *багар <баҕар* `может быть`, *карчи< харчы* `деньги`, *мөһөк< мөһөх* `сто`, *һобо< собо* `карась`, *һонон< сонон* `все также`, *оһок <оһох* `печь`, *ката <хата* `лучше`, кобо < *хобо* `колокольчик, бубенчик` [1-3, 5].

Примеры: **Букатын** һунтэт турэврэн. `**Совершенно** по-другому говорят`. Тадук **ыла** һурэлти букатын н'учӑл одӑ. `**С тех пор** дети (наши) обрусели`. Мут **болла** интернатла эмгэрэрэп. `**А** мы в интернате оставались`. **Ол иһин** оттон эчин ибгӑт турэврэрэмту оттон. `**Поэтому** в этом году дали`. **Оттон** эрэв анҥӑнив тар бурэ. `**Но** в этом году дали`. **Арай** эрэл эрэ нам һулилэн тэгэтчэл. `**И вот** эти жили на берегу моря`. **Д`э** бэй бэкэчэн өрэлдэн. `**И вот** все обрадовались`. Минтики н'ан чайу этэнни **кутар**? `Мне тоже чай **не нальешь?` Алыс** бадич ичулчэ биһим, **ол иһин** мину гэрбуврэтэн илкэдит «Бади». `**Очень** рано родилась, **поэтому** мне дали эвенское имя «Ранняя»`. Этикэн **таһагаһу** д`укчадук умурин. Старик привез **груз** со старой стоянки`. Амму **ӱлэлэй** биддэн. `Отец (мой) находится **на работе**`. *Буйюсэмӈэл **һотору буйуснэми** һөрд'ил.* `Охотники **скоро** поедут на охоту`. *Тарак бэйэл **быһа** һөрчэд'ил.* Те люди, наверное, поехали **напрямик**`. *Аппый **туҺлин** куӈа биһӈий һойат долдорив.* `В детстве **про** Аппыя много слышал`. Эн'энни ***боллагана** орандула һөрчэ бичэ.* `А мать (его), **оказывается**, пошла пасти оленей`. *Ката тала умэн ahu бичэ, нөһтэ ahu.* `Хорошо, что там одна женщина была, молодая женщина` [1, 5].

По данным лингвистических исследований в последнее время в речи респондентов молодого поколения эвенов большинство заимствований функционируют в неизменном виде.

В нижнеколымском говоре отмечается грамматическое освоение некоторых заимствованных якутских производящих основ, например, от глагола *гынар* `делать` образуется разновременное деепричастие с суффиксом *–ридюр*: *Тадук эрэк Советскай власть эмчэлэн онкаре эрэк мут эӈэйэл бэйэл биһэп болла раскулачи* ***гынарид'ур*** *тадук все наравне стали.* `Когда пришла Советская власть, мы же были богатыми людьми, **раскулачив (нас),** и с тех пор все равными стали` [5].

В речи отдельных респондентов данного говора частотным является употребление фонетического варианта якутского суффикса множественности *–нэл (як. нэр)* вместо эвенского *–һэл*: *Мут эрэ эвэнэл, илкэн* ***эвэнэл.*** `Мы тут **эвены,** настоящие эвены`. *Элэ оттон чукчал тэгэттэ,* ***эвэнэл.*** `Здесь чукчи живут и **эвены**` [5].

В языке нижнеколымских эвенов также используются якутские суффиксы *–ды, -ни,* образующие качественные наречия, вместо эвенского суффикса *–ч/-т: Таракăм болла бэкэчэн эвэдыт һарăп, юкагирды һарăп.* `В то время все эвенский язык знаем, юкагирский знаем`. *Тик алыста ӈин'ун-дэ* ***эвэнни*** *эһэм турэврэм, тигуми баӷар кэн'элит турэд'им.* `Сейчас ни с кем по-эвенски не разговариваю, поэтому, может, плохо буду говорить`. *Таракăм кутл`эн бидникэн тавăр* ***юкагирды*** *турэврэрив, унуврарив.* `В то время, когда была маленькой, говорила поюкагирски, понимала`. Использование таких якутских суффиксов зафиксировано только в данном говоре [5].

Возможно, интерференцией на морфологическом уровне является и отсутствие в говорах эвенов Якутии, направительно-местного *(-кла/-клэ)* и направительно-продольного *(-кли)* падежей. Как и в якутском языке, значение данных падежей представлено с помощью послелогов истала `до, пока`, һат, һоли `около, вблизи`.

В говорах отмечается адъективация и вербализация некоторых заимствованных лексических единиц: *кыйбаку* `кокетливый (о человеке)` от як. *кыйманҕнаа* `шевелиться во множестве`; *уөрэндэй* `учиться` от як. *үөрэх* `учеба, учение, занятия; образование, просвещение; наука; урок`, *һайыладай* `провести лето` от як. *сайын* `лето` [1].

В речи отдельных носителей ламунхинского говора при заимствовании иногда происходит вербализация т.е. переход числительных в разряд глаголов: *бастаритно* от як. *бас* `начальный, первый`, *иккистэритнө* от як. иккис `второй`, *үһүстэритнө* от як. *үһүс* `третий`.

Примеры: *Ноӈортон эр анӈанив н'ан-да* ***бастаритно.*** `Они в этом году опять заняли первое место`.

В языке эвенов Якутии при освоении семантики заимствованных лексем языком-рецептором, в основном происходит сужение и смещение значений слов. В говорах не отмечаются заимствованные слова с расширенным значением, кроме лексемы *дойду* от як. *дойду* `страна, край; родина, отечество; сторона, местность, край; земля, страна, государство`, которая, как и в эвенкийском языке, во всех эвенских говорах Якутии приобрела значение «центральная часть Якутии, где живет основная масса якутов».

В большинстве говоров эвенов Якутии при переходе слов из языка-источника в язык-реципиент, значение лексем осваивается частично и происходит сужение значений слов, например: *кампаку* `разбитый` от як. *хампархай* `ветхий, старый; дряхлый; разбитый`, *чэр* `мозоль` от як. *чэр* `мозоль; шрам, рубец`, *баламат* `нахальный` от як. *баламат* `нахальный, дерзкий; сумасбродный`, *кэлтэһэ* `ячмень` от як. *кэлтэһэ* `ячмень; прыщик на языке, на глазах`, *кабд`ы* `куропатка` от як. *хабдьы* `куропатка, белый тетерев`.

В ламунхинском говоре в речи респондентов всех возрастов в заимствованных из языка-источника лексемах наблюдается смещение значений слов: *д'удэк* `гадкий, неопрятный, неряшливый` от як. *дьудэй* `тощать, худеть, стать дряблым; портиться`, *д`эрэку* `пестрый; разноцветный; разнообразный; неодинаковый` от як. *дьэрэкээн* `пестрая кайма, узор, радующая глаз вышивка`, *д`алба* `безответственный` от як. *дьалбаа* `рассеянный, забывчивый, легкомысленный`, *кэрэгэй* `дурак` от як. *кэрэгэй* `неподходящий, несоответствующий; недостающий, неудачный`.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в результате длительных языковых контактов в говорах эвенов Якутии интерференция наблюдается на всех уровнях языка. Заимствованные лексические единицы из языка-источника в языке-реципиенте подвергаются фонетической адаптации, грамматическому и семантическому освоению.

Литература

1. Кузьмина, Р.П. Язык ламунхинских эвенов / Р.П. Кузьмина. – Новосибирск: Наука, 2010. – 115 с.

2. Кузьмина, Р.П. Особенности языка верхнеколымских эвенов / Р.П. Кузьмина, С.И. Шарина. – Новосибирск : Наука, 2019. – 116 с.

3. Полевые материалы автора Кузьминой Р.П. 2007 г., 2010 г. с. Тополиное Томпонского услуга Республики Саха (Якутия).

4. Саввинова, С.Н. Якутская заимствованная лексика в эвенском языке: дисс. канд. филол. наук. 10.02.02. / С.Н. Саввинова. – Санкт-Петербург : РГПУ, 2010. – 177 с.

5. Шарина, С.И. Нижнеколымский говор эвенского языка / С.И. Шарина, Р.П. Кузьмина. – Новосибирск : Наука, 2018. – 185 с.

References

1. Kuzmina, R.P. Language of the Lamunkhinsky Evens / Kuzmina, R.P. – Novosibirsk : Nauka, 2010. – 115 p.

2. Kuzmina, R.P. Features of the language of the Upper Kolyma Evens / R.P. Kuzmina, S.I. Sharina. – Novosibirsk : Nauka, 2019. - 116 p.

3. Field materials of the author Kuzmina R.P. 2007, 2010 p. Poplar Tomponsky service of the Republic of Sakha (Yakutia).

4. Savvinova, S.N. Yakut borrowed vocabulary in the Even language: Diss. Cand. philol. sciences / S.N. Savvinova. – St. Petersburg : RSPU, 2010. – 177 p.

5. Sharina, S.I., Kuzmina, R.P. Lower Kolyma dialect of the Even language / S.I. Sharina, R.P. Kuzmina. – Novosibirsk : Nauka, 2018. – 185 p.

УДК 378.4

T. R. de S. Romero[1]

THE IMPORTANCE OF INTERNATIONAL COMMUNICATION ON GLOBAL ISSUES

The content presented is based on a presentation the author prepared for the Online International Scientific Summer School, 2020, in which the purpose was to discuss relevant requirements for international research collaboration. Thus, from the standpoint of an educator and applied linguist, concepts on interculture and its connection to education are focused. An illustration of a Project with these underlying concepts are provided, aiming at setting the ground for future international research collaborations.

Keywords: *interculturality, education, international collaboration, Online International Scientific Summer School, project.*

Introduction

This article is based on a presentation for the Online International Scientific Summer School, 2020, in which I had the honor to participate. The focal point, from the perspective of an applied linguist and educator, is to discuss some relevant considerations for international research collaboration.

With this purpose established, some theoretical concepts on culture and their implications on education are presented. Next, an illustration of an educational program carried out at the Federal University of Lavras, Brazil, and its methodological approach is given. In closing, stress is placed on some requirements for effective intercultural collaboration projects.

Considering that this Summer School was clearly successful in bringing scientists from different areas of knowledge and different countries to collaborate towards a common concern – namely sustainable development of rural areas under conditions of global climate change – it is expected that this brief contribution may shed some light on the relevance of interculturality principles required for the future joint efforts we are about to engage in.

International communication and education: theoretical underpinnings

It is quite obvious that any international communication requires knowledge of different languages. One simple glance at the Summer School's Program, for instance, showed that the presenters' first languages differed: Russian, English, Portuguese,

[1] Tania Regina de Souza Romero – Ph. D. in Applied Linguistics, Post-Ph. D. in Education, Universidade Federal de Lavras, Lavras, Brasil.

E-mail: taniaromero@ufla.br

Vietnamese, Japanese, Mongolian. However, as it is usual in international gatherings, only two languages were admitted, Russian, the host organizer's language and English, which has been considered a world language [7, 9].

Language knowledge, however, is never sufficient for international communication, since, as often argued [4], there is no language without culture. Language is a product of culture, and, as such, is embedded in historical constraints. Culture, on its turn, as the scholar highlights, is a set of behaviors, habits, historical social practices that develop values, meanings, and beliefs.

Therefore, in order to communicate with different countries, one must necessarily not only know the target language but also be aware of the target culture.

This requires being open to possible differences in behaving and also in understanding each other. Facing such a difficult endeavor involves taking risks in the process. It demands intercultural skills.

According to Peres [8], interculturality calls for dynamic interaction between individuals and groups. Being more specific, Byram [1] had previously emphasized that the development of intercultural competence may only be reached with five requirements. One must be able to (a) decentralize, i.e., demonstrate readiness in knowing and understanding different cultures, being curious and open to other ways of living, behaving and understanding; (b) know different social groups both in his/her own country and abroad, perceiving their practices and processes of social and individual interaction; (c) understand and interpret events of a different culture so as to explain them and relate them to his/her own culture; (d) learn and interact with new knowledges about the target culture and its cultural practices; (e) engage in critical awareness, so as to be capable of evaluating perspectives, practices, and products originating both from his own and others' cultures.

Considering the above, one may infer that when we interact with other cultures, as a consequence, one's own identity is deeply transformed, since one's view of the world and humans reaches a novel and magnified configuration.

It is relevant to emphasize at this point that there is a close relationship between interculture and identity change. Both, on their turn, have an intimate connection with Education. Educators' job is to transform people's identities, aiming at allowing them access to different social contexts, worlds, and cultures.

Thus, special attention to the concept of Education is paramount. Scholars from different parts of the world, such as the Russian Vygotsky [11] and the Brazilian Freire [2] have for long stressed that Education cannot be disconnected from social engagement. Coherently, the United Nations sustainable development goals maintain that education should facilitate upward socioeconomic mobility and is crucial to escaping poverty. Taking this into account, education is seen as a disruptive mechanism whose purpose is to transform the system, the status quo.

Hence, the role of the University, as a high social organization in charge of human affective and cognitive development, is to take lead in changing society through educational projects. In other words, our ultimate purpose as teachers and professors is transforming people's culture, which, in turn, means going beyond school walls to encompass social reality, with the purpose of transforming and improving it.

Summarizing, culture transformation only takes place if educators are aware of learners' culture, since "One cannot transform what one does not understand" [5]. This requires educators to engage in meaningful interaction with their learners and the society they are inserted in, so as to uncover their historically built culture [6]. Such action, enacted through intense negotiation of meanings, is vital, since transformations in lifestyles, habits, and social practices demand acceptance of others, by others, and respect for distinct views.

Drawing from these theoretical views, the next topic turns to some illustrations on projects carried out at the Federal University of Lavras, Brazil. It is important to mention that, although these projects are local, they deal with intracultural differences, i.e., different social and local cultures within the same region of the country. For this reason, we find it relevant to the discussion at hand.

Integrating university and community: local example

Before actually showing our educational practices with our community, some contextualization is necessary. Federal Universities in Brazil are completely free of charge since they are meant for social mobility. There are 69 Federal universities spread throughout the country, located both in the 26 State capitals and in smaller towns, which is the case of ours. Lavras is a medium-sized town for Brazilian standards, with a population of around 100,000 inhabitants who have as their main source of income farming and dairy products.

UFLA has around 12 thousand students in 35 undergraduate courses and 40 graduation courses. The 700 professors, ninety percent of which hold a Ph. D. degree, are necessarily involved in teaching, research, and extension projects.

The over 400 extension projects offered aim the surrounding communities, individuals, public and private institutions, and are realized through courses, events, programs, services, internships, publications, and other technical and artistic activities. The illustration for this article is a program funded by the federal government and the institution itself in which the author has acted.

The purpose of the Project called PIBID (Institutional Scholarship Program for Teaching Internship), which lasts two years, is to improve the quality of elementary and high school teaching and learning. Take part in it, besides the school coordination itself, pre-service teachers (undergrad students), public school teachers, and the University educators, who collaboratively develop action intervention plans grounded on perceived community and students' needs and wants [10].

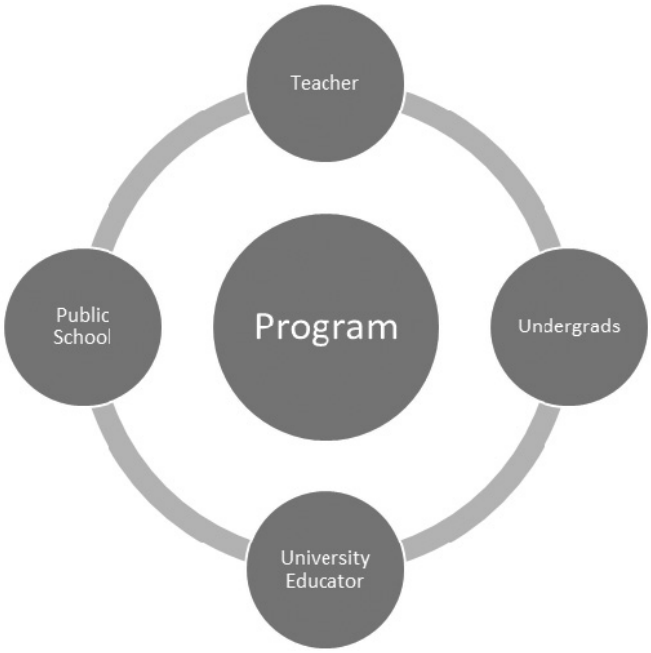

Figure 1. PIBID Programs and its participants

With PIBID, as with the majority of UFLA's extension programs, practice serves as a basis for theoretical reconstruction. Therefore, theories are constantly put into test and re-signified in its subjective and cultural perspectives, taking into account specific contexts. Having this fruitful exchange as an underlying principle, the interaction between academic and experiential knowledges are fostered. Additionally, all participants have ground for experimentation with the complexities of reality, which enables their critical reflection. Mutual collaboration, then, is crucial in the Project planning and implementation phases.

Special attention should be drawn to the methodological approach which initiates the intervention actions. This approach draws from a language teaching construct elaborated by Hutchinson and Waters [3], denominated Needs Analysis. According to it, every teaching action should be preceded by a careful study of the context, focusing specifically on needs, wants, and lacks. The needs are the requirements students have to be able to develop in a given area of study. The wants are the personal aims learners would like to obtain. And the lacks refer to learners ' insufficiencies observed in order to reach the required level of education.

Consistently, the first step consists of data gathering on the social-economic characteristics of the target community. They are comprised of information such as the local families' income, level of formal instruction, main community jobs, living standards, religion, traditions, values, festivities, recreational and eating habits. It is also manda-

tory to learn the history of the local community, its limitations, achievements, solutions, breakthroughs. This initial study is deemed important because it allows planners to have a real picture of the target group, thereby enabling significant and meaningful interactions to occur.

Considering that most PIBID's actions are carried out in schools located in low-income communities, it is relevant to know, for instance, that a considerable amount of families have a large number of children living in small houses with inadequate utilities, where basic sanitation, water, electricity, and sewage system may not be available. Their earnings may come from a single parent, usually a single mother. Also, as far as religion is concerned, it should be noticed that, although this is regarded as a Catholic country, there are other religions that have suffered prejudice from the upper and middle classes, so their practitioners tend not to mention them. This is the case of Umbanda, a syncretic Afro-Brazilian religion that blends African traditions with Roman Catholicism, Spiritism, and Indigenous American beliefs.

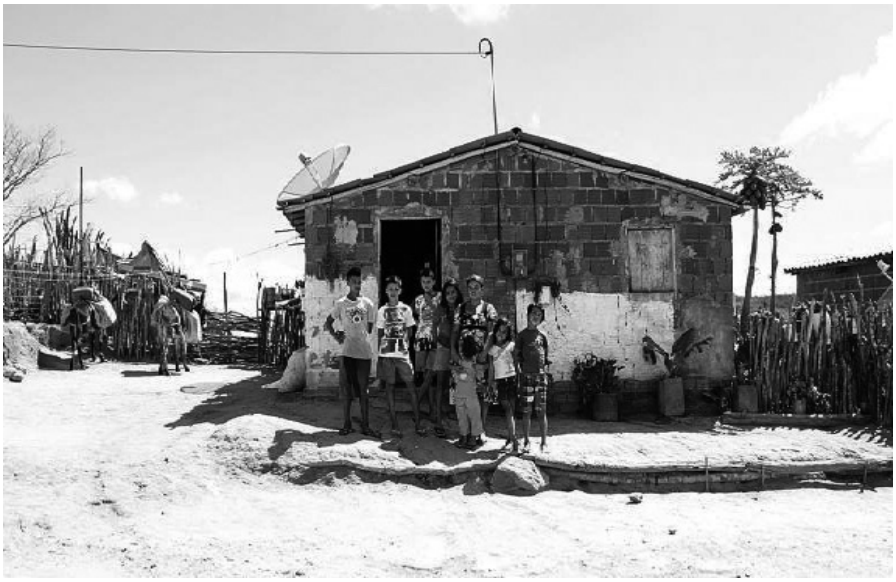

Figure 2. Typical Rural Area Poor Brazilian Family House

The second step prior to the intervention is an observation of the school and classrooms' routines through participation in school activities and interaction with teachers and students twice a week for at least one month. All the first impressions are recorded in undergrad students' diaries to be later discussed with the University professor and the school teacher in meetings held once a week.

Figure 3. Umbanda, a syncretic Afro-Brazilian religion and a gathering of its practitioners

Only then a list of social, affective, and development needs is elaborated to serve as a basis for the action plans to be implemented in each classroom. These plans are tested and re-elaborated as necessary to meet the improvement goals expected. Some items identified through our needs analysis were getting too know other cultures and contributing to family healthy eating habits. In the first instance, some special classes which included a tasting of Japanese food, an American typical celebration (Halloween), talks with foreigners about their habits, and texts on different cultures were included in the teaching content. Visits to art museums in other towns were also organized, which required fundraising for the necessary expenses. In the second case, specialists from the University went to the school to teach children how to grow vegetables and fruits with minimum resources.

Figure 4. Tasting of Japanese Food by Local Students

Figure 5. Visit to an Open Air Art Museum

Figure 6. Growing Vegetables with Minimum Resources

Results and discussion

The methodological approach used for the Project which illustrates this article has several advantages and brings sound results because (a) it brings together University and communities towards a common goal, which is cultural improvement and development of living standards; (b) it aims perceived needs and empowers autonomy; (c) it shows respect for local culture and values; (d) it meets needs, wants and lacks found relevant by all participants involved, mainly the target group; (e) it does not bring ready-made solutions, but learns from locals in an exchange of knowledges and experiences to negotiate possibilities for given problems; (f) it shows the relevance of collaboration towards common goals.

We find that the same principles and characteristics that led this intracultural project to good results are also relevant in intercultural collaboration projects. It is our belief that the University in close collaboration with society can solve the population problems through applied science and adequate technology and human resources. It is, thus, perfectly possible to transform society economically and socially, but it is crucial to know and respect its culture. This is reached by learning to be flexible, recognizing complexities, avoiding stereotyping, negotiating.

References

1. Byram, M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. – Clevedon: Multilingual Matters. 1997.

2. Freire, Paulo. Conscientização: teoria e prática da libertação – uma introdução ao pensamento de Paulo Freire. – São Paulo: Moraes. 1980.

3. Hutchinson, Tom; Waters, Alan. English for Specific Purposes. – Cambridge: Cambridge University Press. 1987.

4. Kramsch, Claire. Culture in Foreign Language Teaching. Bakhtiniana. – São Paulo, v. 12, no. 3, p. 134-152, 2017.

5. Moita Lopes, Luiz Paulo. A Nova Ordem Mundial, os Parâmetros Ccurriculares Nacionais e o Ensino de Inglês no Brasil: a Base Intelectual para uma Ação Política. In: Leila Barbara e Rosinda C. G. Ramos (orgs.) – Campinas: Mercado de Letras. 2003.

6. Nóvoa, António. Vidas de Professores. – Porto: Porto Editora. 2000.

7. Pennycook, Alistair. The Cultural Politics of English as an International Language. – London: Longman, 1994.

8. Peres, Américo N. Educação Cultural: Utopia ou Realidade? Porto: Profedições. 2000

9. Rajagopalan, Kanavillil. Culture as an experience of identity formation in foreign language learning. Policromias, v. 03, p. 11-20, 2018.

10. Romero, Tania R. S. Pibid: Prós, Contras e (E)feitos. In: Elaine Mateus e Juliana R. A. Tonelli (orgs.) Diálogos (Im)Pertinentes entre Formação de Professores e Aprendizagem de Línguas. – São Paulo: Blucher. 2017.

11. Vygotsky, Lev S. A formação Social da Mente. – São Paulo: Martins Fontes. 1994.

Информационно-научное издание

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

№1(21)2020

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка *М.А. Трифонов*
Оформление обложки *П.И. Антипин*

Подписано в печать 15.11.2020. Формат 70x100/8
Печать цифровая. Печ.л. 6,5. Уч.-изд. л. 8,1. Тираж 50 экз. Заказ № 7.
Издательский дом Северо-Восточного федерального университета,
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ